

ЛИВИЯ
НОРВЕЙН

ТАЙНАЯ
ПЛЕННИЦА
ГЕНЕРАЛА-ДРАКОНА

Ливия Норвейн Тайная пленница генерала-дракона

<https://litres.ru/74696888>

SelfPub; 2026

Аннотация

В день, когда в Сааре убили мирных посланников, меня объявили погибшей. Сестра оплакивает меня, а я заперта в поместье самого грозного генерала империи — дракона Рейнара Дорна.

Он вытащил меня из-под обломков. Спас от смерти. А затем запретил покидать его дом и сообщать близким, что я жива.

Генерал уверяет, что скрывает меня от убийц. Но почему тогда он отказывается отвечать на мои вопросы?

Я не собираюсь становиться покорной пленницей. Я хочу вернуть свое имя, свободу и выяснить, кто уничтожил мирную делегацию.

Вот только чем ближе я подбираюсь к правде, тем опаснее становится мое влечение к собственному тюремщику.

А однажды я нахожу приказ с его подписью...

Теперь мне предстоит узнать, кто он на самом деле: мой спаситель или человек, разрушивший мою жизнь?

И что делать, если сердце уже выбрало того, кого я, возможно, никогда не смогу простить?

Содержание

Глава 1. Имя в списке мертвых	5
Глава 2. Чужое имя	43
Глава 3. Мои условия	103
Конец ознакомительного фрагмента.	156

Ливия Норвейн Тайная пленница генерала-дракона

Глава 1. Имя в списке мертвых

Ключ в замке повернулся дважды.

Я открыла глаза, когда шаги за дверью стихли.

Несколько секунд я смотрела на незнакомый потолок, пытаюсь понять, почему в комнате так тихо. Не было ни криков во дворе, ни звона оружия, ни того страшного треска, с которым рушилась каменная галерея.

Вместо этого за окном щебетала птица.

Я попробовала повернуться на бок и сразу пожалела об этом. Боль под левыми ребрами оказалась такой резкой, что пришлось зажать рот ладонью и переждать, пока снова получится нормально вдохнуть.

Птица продолжала петь.

В Сааре птиц не было слышно уже несколько дней. Их заглушали голоса солдат, тележные колеса, кузнечные молоты и непрерывные споры людей, которые пытались закончить шестилетнюю войну.

Вчера утром я еще была одной из этих людей.

Я помнила все.

Помнила перевод, который закончила за несколько минут до тревоги. Помнила, как начальник эсмарской охраны переспросил, точно ли западные ворота будут открыты для посланников. Помнила ответ императорского уполномоченного.

Помнила, как эти ворота остались закрытыми.

А потом над крепостью появился огонь.

Я опустила руку на живот. Под тонкой ночной рубашкой чувствовалась плотная повязка. Еще одна закрывала правое предплечье. Волосы у виска слиплись от какой-то мази.

Кто-то снял с меня окровавленное платье, промыл раны и уложил в чистую постель.

Но дверь запер.

Это обстоятельство не позволяло считать случившееся спасением.

Я осторожно села.

Комната оказалась достаточно просторной, чтобы в ней поместились кровать с высоким деревянным изголовьем, платяной шкаф, стол, два кресла и низкий сундук. На столе стояли глиняный кувшин и стакан. У камина лежали аккуратно сложенные поленья.

Обстановка была добротной, без показной роскоши. На стене висел небольшой пейзаж: река, деревянный мост и три дома на берегу.

Я никогда прежде не бывала в этой комнате.

И не помнила, чтобы меня сюда приносили.

Пол оказался прохладным даже сквозь тонкие чулки. Я нашла под кроватью домашние туфли, явно приготовленные для меня, и с трудом поднялась.

Первый шаг дался тяжело. На втором я остановилась, прижимая руку к ребрам. Перед глазами ненадолго потемнело. До двери оставалось совсем немного.

Я добралась до нее, оперлась плечом о косяк и нажала на медную ручку.

Дверь не открылась.

Попробовала еще раз.

Потом постучала.

— Откройте.

Ответа не было.

— Я слышала, как вы запирали дверь. Откройте, пожалуйста.

За стеной что-то скрипнуло. Я прислушалась, но шагов не услышала.

Подергала ручку еще раз, уже скорее от злости, чем в надежде на результат.

Замок был исправен.

Я отошла к окну.

Окно выходило во внутренний двор большого поместья. С одной стороны его ограничивало жилое крыло, с другой — хозяйственные постройки с темной черепицей. Возле конюшни мужчина в кожаном фартуке осматривал колесо по-

возки. Две служанки несли через двор корзины с бельем.

Никто не спешил. Никто не выглядел встревоженным.

На стене противоположного крыла я заметила герб: серебряного дракона с расправленными крыльями.

Я знала этот герб.

Дом Дорнов.

Рейнар Дорн командовал восточной группой императорской армии. Генерал-дракон, которого боялись даже некоторые его собственные офицеры.

Я видела его на переговорах в Сааре. Он не входил в состав мирной делегации, но присутствовал при обсуждении безопасности крепости.

Высокий, темноволосый, с сединой у висков. Он говорил сдержанно и только о том, что считал необходимым.

В тот день он задал всего три вопроса.

Каждый оказался неприятным для императорского уполномоченного.

Я отступила от окна.

Если это действительно было поместье Дорнов, значит, меня вывезли из Саара на территорию империи.

Оставалось понять, зачем.

Шаги слышались неожиданно.

Я не успела вернуться к кровати. Ключ повернулся в замке, дверь распахнулась, и на пороге появилась женщина лет пятидесяти пяти.

Она держала поднос с миской, хлебом и небольшой чаш-

кой. Седые волосы были стянуты на затылке, рукава темного платья закатаны до локтей.

Увидев меня возле окна, женщина нахмурилась.

— Вот и встали. А я думала, вы еще хотя бы час проспите.

— Где я?

Она поставила поднос на стол.

— В Ровене.

Я уже догадалась, но услышать подтверждение оказалось неприятно.

— В поместье генерала Дорна?

— Да.

— Кто вы?

— Грета Ланц. Лекарка. И, прежде чем вы начнете задавать остальные вопросы, прошу вас сесть. У вас сильный ушиб грудной клетки, а вы уже успели пройти половину комнаты.

— Почему меня заперли?

Грета взглянула на дверь.

— Потому что мне так велели.

— Кто?

— Хозяин дома.

— Я не преступница.

— Я этого и не говорила.

— Тогда откройте дверь.

— Сначала я посмотрю ваши повязки.

Она произнесла это так спокойно, будто я всего лишь по-

просила сменить постельное белье.

Я хотела возразить. Но боль под ребрами усилилась, и пришлось сесть в ближайшее кресло.

Грета не стала торжествовать.

Она принесла стакан воды, подождала, пока я выпью, и только потом осторожно отвела край повязки на предплечье.

— Вы давно лечите раненых? — спросила я.

— С молодых лет. Раньше служила в полевом госпитале. Потом решила, что с меня хватит людей, которые спорят с лекарями, пока у них из ран торчат осколки.

— И давно вы здесь?

— Девятый год.

Она осмотрела ожог.

— Покраснение меньше, чем вчера. Это хорошо.

— Что со мной произошло?

Грета подняла глаза.

— Вы хотите узнать, что с вашими ранами, или что произошло в Сааре?

— И то и другое.

— С ранами все относительно благополучно. Ушибленные ребра, неглубокий ожог, несколько порезов и рана у виска. Там пришлось наложить три шва. На сильное сотрясение, судя по тому, как вы сейчас говорите и двигаетесь, не похоже, но я буду наблюдать. Если начнет тошнить, появится сильная головная боль или снова помутнеет в глазах, немедленно скажите.

— А Саар?

Ее пальцы замерли на повязке.

— Об этом вам лучше поговорить с генералом.

— Мне не нужен генерал, чтобы узнать, сколько человек погибло.

— Я не знаю точного числа.

— Делегации?

Грета молчала.

Я посмотрела на нее внимательнее.

— Вы что-нибудь знаете о выживших?

— Знаю только, что из крепости вывезли раненых. Часть отправили в военные госпитали. Кто именно был среди них, мне неизвестно.

— Но меня привезли сюда.

— Вас привезли сюда.

— Почему?

— Это уже вопрос не ко мне.

Грета вернулась к перевязке.

Она работала уверенно и бережно, не причитала над моими повреждениями и не пыталась убедить, что все непременно будет хорошо. От этого ее присутствие немного успокаивало.

— Когда меня доставили?

— Вчера поздно вечером.

— Значит, нападение было вчера?

— Да. Вы просыпались ночью, пили воду. Я давала вам

лекарство. Помните?

Я помнила только слабый свет лампы и чьи-то руки, придерживавшие мне голову.

— Не очень отчетливо.

— После такого это неудивительно. Но о том, что произошло в крепости, вы расскажете сами, когда будете готовы.

Я посмотрела на чистую рубашку.

— Где мое платье?

— Пришлось разрезать. Оно было сильно повреждено.

— А сумка?

— Какая сумка?

— Кожаная. Темно-коричневая, с двумя застежками. В ней были рабочие записи.

— При вас было несколько вещей. Генерал распорядился убрать их отдельно.

— Куда?

— Этого я не знаю.

Мне не понравилось, как часто в этом доме люди ссылались на генерала.

— Я хочу получить свои вещи.

— Передам.

— Сегодня.

Грета закрепила чистую повязку.

— Если он придет сегодня, передам сегодня.

Я опустила взгляд на ее руки.

— Вы ведь понимаете, что меня здесь держат против во-

ли?

Она не стала изображать удивление.

— Понимаю, что дверь заперта.

— А вас это устраивает?

— Нет, — ответила она после небольшой паузы. — Но я видела, в каком состоянии вас привезли. И пока не знаю, чего именно опасается генерал.

— Можно было спросить меня.

— Можно.

Грета разгладила край повязки и отступила.

После этого простого ответа я не стала высказывать приготовленные обвинения.

Я взяла хлеб, но есть не смогла. От теплого мясного отвара поднимался запах лука и трав. В Сааре подобная еда показалась бы настоящим подарком.

Сейчас я думала о Марте.

Моей младшей сестре было двадцать. Она работала в переплетной мастерской в Лиорне и каждую неделю присылала мне письма с новостями, которые сама называла совершенно неинтересными.

О сломанном прессе.

О хозяйке соседней лавки, которая наконец перестала ругаться с ее мастером.

О книге, где все страницы перепутали местами, а заказчик заметил только после переплета.

Я хранила эти письма.

Последнее лежало в моей дорожной сумке. Марта писала, что в следующем месяце, возможно, получит постоянное место и сможет перестать брать ночную работу.

Я обещала приехать, как только закончится переговорная встреча.

И теперь не знала, что ей сообщили.

— Мне нужно отправить письмо, — сказала я.

Грета вытерла руки полотенцем.

— Кому?

— Сестре. В Лиорн.

— Тогда вам придется поговорить с хозяином.

— У него здесь собственная почта?

— Нет.

— Почему же я должна просить разрешения?

Грета посмотрела на закрытую дверь.

— Вы ведь уже знаете ответ.

Я не нашлась, что возразить.

Она принесла мне чистую одежду и помогла вернуться на кровать. Потом переставила кувшин так, чтобы я могла дотянуться до него, не вставая.

— Вы можете попросить любую еду, если этот отвар не нравится.

— Отвар хороший.

— Тогда съешьте хотя бы половину.

— Грета.

Она остановилась.

— Что?

— Если бы я была вашей дочерью, а вам сказали, что меня держат в чужом доме и не разрешают написать родным, вы бы согласились?

Женщина долго смотрела на меня.

— Нет, — сказала она. — Я бы приехала и потребовала объяснений.

— Значит, вы понимаете.

— Понимаю.

Она придвинула ко мне поднос с нетронутым хлебом и направилась к выходу.

— Я скажу генералу, что вы проснулись.

— И что мне нужно письмо.

— И это тоже.

Дверь закрылась.

Ключ снова повернулся.

Я осталась одна.

До полудня я успела дважды обойти комнату и понять, что выбраться через окно не смогу.

Комната находилась на втором этаже. Каменный карниз под окном был слишком узким и обрывался над мощеной дорожкой. Даже здоровому человеку подобный спуск не сулил ничего хорошего.

Мне же было трудно наклониться, чтобы поднять с пола туфлю.

На столе лежали чистые листы бумаги. Чернил не было.

Я проверила шкаф. Там висели три платья, два из них совершенно новые, судя по жестким складкам ткани. Рядом стояли сапоги моего размера.

В сундуке находились полотенца, запасное белье и шерстяная шаль.

Все было приготовлено заранее.

Кто-то успел позаботиться о моем удобстве, не спросив, собираюсь ли я здесь оставаться.

Я вернулась к окну.

Во дворе сменили лошадей. К конюшне подъехала закрытая повозка, нагруженная мешками. Возница перебросился несколькими словами с привратником и предъявил ему свернутую бумагу.

Обычная проверка.

Я запомнила это.

Потом пожалела, что стояла слишком долго. Ребра снова разболелись, и пришлось лечь.

Лежать с закрытыми глазами оказалось хуже.

Я сразу увидела Саар.

Не весь. Только нижний двор.

Под ногами был мокрый камень. Накануне прошел дождь, и в щелях между плитами оставалась вода. Возле западных ворот стояли бочки с песком, приготовленные на случай по-

жара.

Я помнила, что успела подумать: странное место для бо-чек, если ворота собираются открыть и через них должны пройти несколько десятков человек.

Тогда я не придавала этому значения.

С утра все казалось разумным.

Императорский уполномоченный Лукан Верн принес распоряжение об эвакуации. В нем говорилось, что при внезапном нападении охрану делегаций необходимо вывести через восточную лестницу для усиления гарнизона, а гражданских посланников собрать в нижнем дворе. Оттуда их должны были проводить через западные ворота.

Начальник эсмарской охраны капитан Харк дважды попросил уточнить, когда его людям разрешат вернуться к делегации.

Я переводила его вопрос.

Верн ответил, что это произойдет сразу после обеспечения безопасного прохода.

Капитан посмотрел на меня, и я повторила его ответ дословно. Мне показалось, он хотел возразить, но старший посланник остановил его жестом.

Потом прозвучал первый сигнал тревоги.

В переговорном зале начали собирать бумаги. Кто-то требовал лошадей. Кто-то пытался выяснить, не учебная ли это тревога.

Я помогала секретарю королевской делегации Раде Кель

сложить протоколы в дорожный ящик.

Рада была старше меня на несколько лет, носила коротко остриженные волосы и ужасно злилась, когда писцы оставляли слишком широкие поля.

В тот день она сунула мне под мышку свою папку и сказала:

— Держи. Если я потеряю эти бумаги, меня заставят составлять все заново.

Я засмеялась.

Отчего-то именно это я помнила особенно хорошо.

Не крики, не кровь.

Собственный смех за несколько минут до того, как во двор вошли вооруженные люди.

Мы спустились по лестнице вместе с делегатами. Эсмарскую охрану увели в восточное крыло. Западные ворота оставались закрытыми.

Люди начинали спрашивать, когда их откроют.

Я подошла к офицеру, стоявшему возле ворот, и узнала его.

Накануне он сопровождал Верна при вечернем обходе переговорных помещений.

Его лица я не запомнила. Зато помнила широкую серебряную застежку на перевязи, которая выглядела слишком дорогой для обычного строевого офицера.

Я попросила открыть ворота.

Он приказал мне отойти.

За его спиной стояли солдаты без знаков гарнизона.

Тогда я поняла, что нас обманули.

Рада тоже поняла.

Она бросила ящик с бумагами и схватила меня за руку.

Мы побежали к северному переходу, ведущему обратно к служебным помещениям. Я слышала выстрелы, крики и приказ никого не выпускать из двора.

Каменные ступени под ногами были скользкими.

Рада оступилась.

Я обернулась, чтобы помочь ей, и увидела, как над крепостной стеной разлился ослепительный свет.

Потом ударила волна горячего воздуха.

Северная галерея раскололась.

Последним, что я запомнила, был обломок каменного поручня, летящий прямо на нас.

Я открыла глаза.

На потолке комнаты в Ровене не было трещин.

Дышать было больно, но я могла дышать.

Я не знала, успела ли Рада выбраться.

И не знала, кто выпустил по крепости драконий огонь.

После полудня за дверью раздались другие шаги.

Тяжелее и медленнее, чем у Греты.

Сначала послышался короткий разговор.

— Она в состоянии говорить?

— В состоянии, — ответила лекарка. — Но недолго. И я прошу вас не устраивать допрос.

— Я понял.

— Вы всегда так говорите, генерал.

— Грета.

— Я серьезно.

Ключ повернулся.

Дверь открылась, и я увидела Рейнара Дорна.

Он был без мундира, в темных брюках и простой серой рубашке. Только кожаные сапоги выдавали привычку к военной одежде. Волосы были зачесаны назад, на подбородке темнела щетина.

Без генеральских знаков он выглядел немного старше, чем в Сааре.

На лице проступала усталость, которую за переговорным столом я не замечала.

Я поднялась с кровати.

— Сядьте, — сказал он.

— Я предпочту стоять.

— У вас повреждены ребра.

— Я помню.

Он взглянул на Грету.

— Оставьте нас, пожалуйста.

Лекарка не двинулась с места.

— Полчаса. Не больше. Если она побледнеет или начнет

задышаться, разговор закончится.

— Хорошо.

Грета повернулась ко мне.

— Если станет плохо, зовите. Я буду рядом.

Она вышла.

Рейнар закрыл за ней дверь, но не повернул ключ.

Я это заметила.

Он тоже заметил, что я смотрю на замок.

— Вас заперли для безопасности.

— Моей?

— В том числе.

— Тогда откройте дверь окончательно.

— Пока это невозможно.

— Почему?

— Потому что люди, которые устроили нападение в Са-
аре, не должны узнать, что вы живы.

Я посмотрела на него.

— Откуда вы знаете, что это было нападение на делега-
ции, а не обычный бой?

— Я видел последствия.

— Последствия не всегда объясняют причины.

Рейнар чуть прищурился.

— Вы правы.

Я ожидала возражений и на мгновение растерялась.

— Тогда скажите, что произошло.

Он не ответил сразу.

Вблизи я заметила, что он бережет левое плечо. На кисти была свежая царапина. Видимо, поранился в последние дни.

— Часть крепости разрушена, — сказал он. — Есть погибшие. Обстоятельства нападения выясняются.

— Сколько погибших?

— Точного числа пока нет.

— А сколько делегатов выжило?

— Мне неизвестно, кто из них находился среди эвакуированных раненых.

— Рада Кель?

Он не узнал имя.

— Секретарь эсмарской делегации, — пояснила я. — Мы были вместе, когда обрушилась галерея. Она упала на лестнице.

Рейнар внимательно слушал.

— Я не видел ее.

— Вы лично осматривали крепость?

— Да.

— Когда?

— После прекращения боя.

— И нашли меня?

— Вас обнаружили под обломками северного перехода.

— Кто?

— Я.

Ответ прозвучал буднично.

Я посмотрела на его руки.

— Вы сами меня вытащили?

— С помощью солдат. Балка придавила вам ногу, мы подняли ее и перенесли вас к санитарной повозке.

Я осторожно пошевелила правой ступней.

Она болела, но гораздо меньше ребер.

— Почему меня привезли сюда, а не в госпиталь?

— Потому что в госпитале ваше имя попало бы в общий список раненых.

— И что?

— Те, кто хотел уничтожить делегацию, получили бы возможность найти вас.

С этими словами было трудно спорить.

В нижнем дворе я собственными глазами видела людей, которые действовали по заранее подготовленному плану. Если кто-то из организаторов узнал бы о выжившей переводчице, искать меня начали бы немедленно.

Но Рейнар говорил так, будто опасность сама по себе давала ему право распоряжаться моим будущим.

— Вы считаете, что нападение устроили наши? — спросила я.

— Я считаю, что среди причастных были люди имперской службы.

— Я видела одного из офицеров Верна.

Впервые его лицо заметно изменилось.

— Вы уверены?

— Накануне он сопровождал уполномоченного. Я видела

его в коридоре возле переговорного зала. Потом он стоял у западных ворот, когда туда согнали делегатов.

— Он говорил с вами?

— Приказал отойти.

— Вы можете его описать?

— Лицо плохо помню. На перевязи была серебряная застежка. Широкая, с черной эмалью. И он хромотал на правую ногу, совсем немного.

Рейнар помолчал.

— Это полезные сведения.

— Для кого?

— Для тех, кто будет выяснять обстоятельства нападения.

— Для императорской канцелярии?

— Нет.

— Тогда для кого?

Он подошел к столу, но садиться не стал.

— Пока я не могу ответить.

Я коротко засмеялась. От боли смех сразу оборвался.

— Вы не можете ответить, кто проводит расследование.

Не можете сказать, сколько человек спаслось. Не можете объяснить, почему держите меня здесь. Но хотите, чтобы я рассказывала вам все, что знаю.

— Я понимаю, как это выглядит.

— Не думаю.

Он выдержал мой взгляд.

— Что именно вы хотите услышать?

— Правду. Хотя бы о том, что касается меня.

— Вы находитесь в моем доме. Вчера я вывез вас из Сакра. Сейчас ваши показания могут быть опасны для людей, которые организовали расправу. Поэтому я не собираюсь передавать вас обычным властям.

— Я не просила передавать меня властям.

— Знаю.

— Я хочу связаться с сестрой и покинуть ваш дом.

— Второе пока исключено.

— А первое?

— Обычным письмом это делать нельзя.

Я сжала ладони.

— Почему?

— Почтовые маршруты проверяются. Особенно после Сакра. Письмо от женщины, которую считают погибшей, привлечет внимание.

Он произнес последние слова слишком спокойно.

— Меня считают погибшей?

Рейнар не отвел взгляда.

— Да.

— Кто?

— Походная канцелярия. Вашего имени нет среди зарегистрированных выживших.

— Но вы знали, что я жива.

— Знал.

— И ничего не сообщили?

— Я распорядился сохранить ваше присутствие здесь в тайне.

Я сделала шаг к нему.

Боль в боку заставила остановиться.

— Вы понимаете, что у меня есть сестра? Единственный близкий человек. Мы договаривались, что я вернусь после переговоров.

— Понимаю.

— Она ждет от меня письма.

— Я найду способ передать ей известие, не раскрывая вашего местонахождения.

— Когда?

— Когда будет безопасный путь.

— Завтра? Через неделю? Через месяц?

— Я не стану обещать срок, которого не знаю.

Я вспомнила, как Марта иногда встречала меня на пристани. Делала вид, что пришла за заказом, хотя всякий раз держала в руках цветы, купленные у торговков возле моста.

Я не могла представить, как она получит сообщение о моей смерти.

— Вы можете хотя бы узнать, что с ней? — спросила я. — Убедиться, что она дома, что никто ее не тронул?

— Да.

— Тогда сделайте это сейчас.

— Куда направить запрос?

— Лиорн. Переплетная мастерская госпожи Барт у Гон-

чарных ворот. Марта Восс. Она работает там вторым мастером.

Рейнар повторил название мастерской и адрес.

— Я запомнил.

— Запишите.

Он посмотрел на меня.

— Я не забуду.

— После последних двух дней мне хотелось бы иметь дело с записями, а не с чужой памятью.

Несколько секунд он стоял неподвижно.

Потом взял со стола чистый лист и карандаш, который достал из кармана, и записал адрес.

Аккуратно, без единого замечания.

Я следила за движением его руки.

— Добавьте, что ее нельзя вызывать в имперскую канцелярию.

Он поднял глаза.

— Вы предполагаете, что ей может угрожать опасность?

— Я не знаю, угрожает ли ей опасность. Просто не хочу, чтобы ее привели к людям Верна, если они узнают о наших письмах.

— Хорошо.

Он дописал строку.

Я немного успокоилась, хотя оснований для этого было мало.

— Что с моими вещами?

— Они здесь.

— Где?

— Под охраной.

— Моя дорожная сумка?

— Да.

— Записи сохранились?

— Часть бумаг была повреждена водой. Их просушили.

Я закрыла глаза на секунду.

В сумке лежали два рабочих блокнота, переписанные распоряжения, дорожные счета и предварительные переводы нескольких выступлений.

Если все это уцелело, значит, у меня оставалось не только собственное слово.

— Я хочу получить их.

— Сначала необходимо проверить, что в них находится.

— Я прекрасно знаю, что в них находится. Я сама их писала.

— Возможно, среди бумаг есть сведения, которые могут выдать ваше местонахождение, если кто-нибудь получит к ним доступ.

— Местонахождение?

— Или сведения о людях, которые помогали вам.

Я нахмурилась.

— Вы собираетесь проверять мои записи, пока я сижу под замком?

— На данный момент да.

— А потом?

— Верну их вам.

— Когда?

Он заметно устал от этого вопроса, но ответил спокойно:

— После проверки.

Я отвернулась к окну.

Во дворе рабочий уже закончил с колесом. Повозка стояла под навесом, и возле нее никого не было.

Мне вдруг захотелось оказаться на этой повозке, даже если она ехала всего лишь за мешками муки.

Потому что возница мог сам решить, куда повернуть.

— Господин генерал, — сказала я, не оборачиваясь. —

Вы никогда не были женаты?

За спиной наступила пауза.

— Нет.

— Детей нет?

— Нет.

— Сестра? Брат?

— У меня есть дальние родственники. К чему эти вопросы?

Я повернулась.

— Пытаюсь понять, доводилось ли вам ждать известий о человеке, которого могли убить.

Его выражение стало жестче.

— Доводилось.

— Тогда вы должны понимать, что происходит с Мартой.

— Именно поэтому я намерен разобраться с этим как можно быстрее.

— Вы могли бы начать с того, чтобы перестать говорить мне, что намерены что-то сделать, и сделать это.

Грета заглянула в комнату прежде, чем он успел ответить.

— Время вышло.

— Еще несколько минут, — сказал Рейнар.

— Вы и так уже здесь дольше, чем я разрешила.

— Грета, я...

— Она едва держится на ногах.

Я не хотела, чтобы разговор заканчивался. Но лекарка была права. Меня знобило, перед глазами снова появились темные пятна.

Рейнар заметил это.

— Присядьте, Аделия.

Мне не понравилось, что он произнес мое имя так, будто между нами не было никаких разногласий.

Но я села.

Грета принесла еще одну подушку и устроила ее за моей спиной.

Рейнар отошел к двери.

— Сегодня вы отдыхаете. Завтра мы продолжим.

— А дверь?

Он остановился.

— Ее будут запирасть.

Я посмотрела на него.

— Потому что вы боитесь, что я уйду.

Он не стал спорить.

— В вашем нынешнем состоянии вы не сможете безопасно добраться до города.

— Это не ответ.

— Я не хочу, чтобы вы оказались у людей Верна.

— А если я предпочту рискнуть?

— Пока я не позволю вам этого сделать.

В комнате стало тихо.

Грета стояла возле кровати, скрестив руки. Она смотрела на генерала без всякого почтения.

Я медленно произнесла:

— Вы понимаете, что только что признали, что удерживаете меня против моей воли?

Рейнар посмотрел прямо на меня.

— Да.

— И считаете это правильным?

— В этих обстоятельствах считаю необходимым.

— А когда обстоятельства изменятся?

— Тогда вы сможете уйти.

— Кто будет решать, изменились они или нет?

Он не ответил.

Этого оказалось достаточно.

Я отвернулась.

Рейнар задержался у двери.

— Я не причиню вам вреда, Аделия.

— Вы уже причиняете.

Он посмотрел на меня еще несколько секунд.

Потом вышел.

Грета осталась.

Она дождалась, когда шаги в коридоре стихнут, и тихо спросила:

— Вам плохо?

— Я не хочу здесь находиться.

— Я понимаю.

— Он всегда такой?

— Какой?

— Уверенный, что лучше остальных знает, что им нужно.

Грета вздохнула.

— Достаточно часто.

— И никто не возражает?

— Возражают. Вы только что слышали.

Я невольно посмотрела на нее.

Она поправила одеяло.

— Но одно дело спорить с генералом, когда он велит слишком рано отпустить солдата после ранения. И совсем другое — когда он убежден, что чей-то выезд закончится убийством.

— Это не делает его правым.

— Нет.

Грета поставила рядом лекарство.

— Но он умеет слушать. Не всегда сразу.

— Прекрасное качество для человека, у которого есть ключ от моей комнаты.

Она покачала головой.

— Вы мне нравитесь, госпожа Восс. И именно поэтому я хочу, чтобы сегодня вы больше ни с кем не спорили. Иначе завтра вам придется объяснять генералу все лежа.

Я едва удержалась от улыбки.

К вечеру пошел дождь.

Он начался неожиданно, без сильного ветра. Капли застучали по подоконнику, и двор быстро опустел.

Мне удалось поест. Грета принесла чистую рубашку, расческу и небольшой таз с теплой водой. Помогла вымыть руки, не задевая повязку.

Я увидела себя в маленьком зеркале, которое она поставила на стол.

Лицо было бледным. У правого виска тянулась темная полоска засохшей крови, которую не удалось полностью убрать. Под глазом выступил желтоватый синяк. Губы потрескались.

Я выглядела человеком, которого едва успели вытащить из-под камней.

И все-таки я была жива.

Но радоваться не получалось.

Слишком многих я не могла найти.

Я попросила Грету принести список выживших.

Она сказала, что такого списка у нее нет.

Тогда я попросила список погибших.

— Зачем он вам сейчас? — спросила лекарка.

— Я должна знать.

— Это можно сделать завтра.

— Грета, я и так весь день слушаю, что можно сделать завтра. Пожалуйста.

Она долго смотрела на меня.

— Если найду, принесу. Но вы должны понимать: списки еще уточняются. Отсутствие имени ничего не доказывает.

— Понимаю.

Она ушла.

Я ждала, считая удары часов в коридоре.

Сначала прошла четверть часа, потом еще столько же. Дождь усилился. От влажного воздуха в комнате стало прохладнее.

Я завернулась в шаль.

Когда Грета вернулась, у нее в руках был сложенный лист с серой печатью.

Она не отдала его сразу.

— Это сводка походной канцелярии, — сказала она. — Предварительная. Ее передали генералу вместе с донесениями. Я попросила посмотреть.

— Спасибо.

— Некоторые тела не опознаны. Это важно.

Я протянула руку.

Грета отдала мне лист и придвинула лампу ближе.

Бумага была плотной, казенной, с неровно обрезанным краем.

Вверху значилось:

«Предварительный перечень погибших и предположительно погибших лиц в результате боевых действий в крепости Саар».

Ниже стояла дата.

Та самая.

Подзаголовок сообщал, что часть сведений получена от комендантской службы и руководителей делегаций. Некоторые имена внесены по последнему подтвержденному местонахождению.

Я начала читать.

Первые строки относились к имперским служащим. Затем шли представители Эсмара, сотрудники переговорной канцелярии, переводчики, сопровождающие.

Я нашла имя человека, который в Сааре вел переписку с речными городами.

Нашла фамилию начальника хозяйственной службы. Утром перед нападением он жаловался, что ему не выдали дополнительные телеги.

Потом увидела:

«Кель Рада, секретарь королевской делегации. Предпо-

жительно погибла при разрушении северного перехода. Тело не опознано».

Я долго смотрела на эту строку.

Рада не была моей близкой подругой. Мы познакомились всего месяц назад. Несколько раз работали до поздней ночи, спорили о значении одного слова в торговом соглашении и однажды вместе ужинали на кухне, потому что в зале уже убрали со столов.

Я знала, что она любила крепкий чай, не умела аккуратно складывать карты и постоянно теряла перчатки.

Больше ничего.

Этого оказалось достаточно, чтобы от мысли о ее смерти стало трудно дышать.

— Госпожа Восс?

Я подняла голову.

Грета стояла рядом.

— Все хорошо, — сказала я.

Она посмотрела на меня так, что я сама услышала, насколько нелепо это прозвучало.

— Не нужно сейчас ничего объяснять.

Я снова опустила глаза к списку.

Строки расплывались.

Ниже Рады стояли еще несколько фамилий.

И моя.

«Восс Аделия. Переводчица общей переговорной службы. Погибла при разрушении северного перехода. Опознание не

произведено».

Я перечитала строку.

Потом еще раз.

Под ней находилась короткая служебная пометка:

«Извещение о смерти направлено единственной зарегистрированной родственнице: Восс Марте, г. Лиорн».

В правой графе стояла отметка об отправке.

Вчера.

Я остановилась на этой записи.

— Грета.

— Да?

— Посмотрите сюда.

Она наклонилась.

— Что именно?

— Извещение уже отправили.

Грета прочитала строку.

— Да.

— Это ведь значит, что Марта получит его?

— Если письмо не задержат в дороге.

— Когда?

— Не знаю. Курьерская почта до Лиорна идет несколько дней.

Я прижала пальцы к краю стола.

Несколько дней.

До Лиорна из Ровена быстрый всадник мог добраться за два дня. Если сообщение отправили вчера из Саара, значит,

оно уже было в пути.

Марта могла получить его очень скоро.

Она прочитает мою фамилию на казенном конверте. Сначала, наверное, решит, что речь о каком-нибудь новом поручении.

Потом увидит слово «погибла».

Я представила не похороны и не черное платье.

Я представила, как она придет утром на работу, откроет мастерскую и не сможет вспомнить, куда положила ключи.

Как она будет объяснять госпоже Барт, почему не может продолжать переплетать чужие книги.

Как кто-нибудь скажет ей, что время лечит.

И как Марта будет вынуждена слушать эти слова, потому что я не смогу ответить вместо нее.

— Генерал знает? — спросила я.

— О списке?

— О том, что извещение уже отправлено.

— Думаю, да.

— Он говорил мне, что найдет безопасный способ передать сестре известие.

Грета ничего не ответила.

— Но сообщение о моей смерти уже ушло, — продолжила я. — И его никто не собирается останавливать.

— Возможно, генерал еще не знает, что отметка...

— Вы сами сказали, что сводку передали ему.

Она отвела взгляд.

Я поняла, что больше спорить не могу.

Мне не хватало сил даже на злость.

Я сложила лист и положила его на стол.

— Мне нужна бумага.

— Для чего?

— Написать Марте.

Грета посмотрела на чистые листы возле кувшина.

— Бумага у вас есть.

— Нужны чернила. Или карандаш.

Она вынула из кармана короткий графитовый карандаш в деревянной оправе.

Наверное, пользовалась им для записей о лекарствах.

— Возьмите.

Я села за стол.

Лист немного дрожал под моими руками.

В начале я хотела написать много. Объяснить, что произошло, попросить прощения за молчание, рассказать, почему меня нельзя искать.

Потом поняла, что почти ничего не могу сообщить без риска навредить ей.

Я написала всего несколько строк.

«Марта.

Я жива. Я ранена, но поправляюсь. Пожалуйста, никому не говори, что получила от меня письмо. Я найду способ связаться с тобой снова.

Я очень хочу домой.

Аделия».

Прочитала.

Последняя строка показалась неправильной.

Домом для меня давно была не одна комната и даже не один город. Это было место, где можно было не выбирать слова прежде, чем открыть рот.

Я все равно оставила ее.

Грета стояла возле камина и поправляла поленья, не глядя в мою сторону.

— Вы можете это отправить? — спросила я.

Она обернулась.

— Сама — нет. Из дома почту передают через управляющего.

— А управляющий подчиняется генералу.

— Да.

Я положила карандаш на стол.

— Тогда попросите генерала прийти.

— Сегодня он уже говорил с вами.

— Я знаю.

— И он занят.

— Грета, моя сестра может получить извещение о моей смерти раньше, чем я смогу написать ей хотя бы одно слово. Вы понимаете, что для нее это будет значить?

Лекарка подошла ближе.

Посмотрела на письмо, но не стала брать его без разрешения.

— Понимаю.

— Тогда передайте ему.

— Я передам.

— Не завтра.

Она кивнула.

— Сегодня.

Я протянула ей лист.

Грета осторожно сложила его и убрала в карман.

Уже у двери она остановилась.

— Аделия, я не могу обещать, что он разрешит отправить письмо.

— Я знаю.

— Но я скажу ему, что вы сами его написали. И что вы не согласны ждать.

— Спасибо.

Она вышла.

На этот раз ключ повернулся только один раз.

Возможно, замок просто так устроен. Я не стала искать в этом особого смысла.

Дождь продолжал стучать по стеклу.

Я вернулась к списку и еще раз прочитала пометку напротив своего имени.

Извещение отправлено.

Марта не знала, что меня спасли, и не могла узнать, где я нахожусь. Она могла уже считать, что у нее больше нет сестры.

А Рейнар Дорн знал.

Он знал с того момента, как нашел меня под обломками.

И все равно позволил отправить извещение.

Я сложила список по прежним сгибам и положила рядом с собой.

У генерала было оружие, люди, собственная почта и ключ от моей комнаты.

У меня оставались память, несколько незаживших ран и письмо, которое могли не отправить.

Но я уже знала, о чем спрошу его завтра.

Не о том, почему он спас меня.

А о том, кто дал ему право решать, что моя сестра должна меня похоронить.

Глава 2. Чужое имя

К ужину я выяснила, что в доме генерала Дорна существовало два вида дверей.

Одни открывались, когда человеку требовалось пройти.

Другие — когда ему разрешали.

Моя относилась ко вторым.

Грета вернулась почти через час после того, как забрала письмо Марте. Я лежала на кровати, но, услышав ключ, сразу приподнялась.

— Ну?

Лекарка закрыла дверь и поставила на стол поднос.

— Генерал прочитал ваше письмо.

— Я просила его отправить.

— Он сказал, что обычной почтой его передавать нельзя.

— Это я уже слышала. Что он предлагает взамен?

Грета сняла крышку с миски. Под ней оказалась тушеная птица с овощами.

— Капитан Таль отправится утром с поручением. Он передаст запрос через людей, которым генерал доверяет.

— Какой запрос?

— Узнать, где находится ваша сестра и все ли с ней благополучно.

— А мое письмо?

Грета помедлила.

— Пока останется здесь.

Я медленно села.

— Значит, Марта узнает, что я жива, только когда генерал сочтет это удобным?

— Аделия...

— Мне нужно поговорить с ним.

— Сегодня он не придет.

— Тогда пусть пришлет человека, который может принять решение.

Грета придвинула ко мне поднос.

— Капитан уедет на рассвете. Если вы хотите что-нибудь уточнить, я передам.

Я посмотрела на еду и почувствовала, что сейчас просто не смогу проглотить ни кусочка.

— Скажите ему, что я не согласна оставлять сестру в неведении.

— Скажу.

— И что я хочу знать, кто именно поедет в Лиорн.

— Тоже скажу.

— И пусть вернет мне письмо. Оно мое.

Грета вздохнула.

— Вот об этом можете попросить его сами завтра.

— Почему не сейчас?

— Потому что я уже дважды за вечер ходила к нему из-за вас. В третий раз он решит, что я окончательно перестала заниматься большими и устроилась вашим личным посыль-

НЫМ.

Я посмотрела на нее.

— Вы сердитесь?

— Нет. Но у меня, кроме вас, есть еще трое пациентов. Один упал с лошади, второй решил самостоятельно вытащить занозу ножом, а третьему я запретила работать с воспаленной рукой. Последний считает, что я ничего не понимаю в кузнечном деле.

Я неожиданно улыбнулась.

Грета заметила улыбку, но ничего не сказала.

— Поешьте. Завтра поговорите с генералом. И не вздумайте ночью снова проверять, можно ли открыть окно. Я уже видела следы ваших туфель на подоконнике.

— Я только смотрела вниз.

— И правильно сделали, что ограничились этим.

Она проверила повязку на моем предплечье и вышла.

На этот раз я не бросилась к двери.

Я взяла вилку.

Птица оказалась вкусной. Я съела почти всю порцию, хотя все время думала о письме, лежавшем где-то в чужом кабинете.

Меня больше всего злило даже не это.

Рейнар Дорн действовал так, будто мы уже договорились, что он будет распоряжаться моей жизнью.

А я ни на что подобное не соглашалась.

На следующее утро меня разбудил стук в дверь.

Именно стук.

Я открыла глаза, удивленно посмотрела на ручку и только потом ответила:

— Войдите.

Замок щелкнул.

Грета появилась с тазом теплой воды и чистым полотенцем.

— Доброе утро.

— Дверь по-прежнему заперта?

— Да.

— Тогда зачем вы стучали?

— Потому что я не люблю входить в чужие комнаты без предупреждения.

— Даже если человек не может выйти?

— Особенно тогда.

Она поставила таз возле умывальника.

Я решила, что сегодня не стану начинать утро со спора. По крайней мере, пока.

Грета осмотрела мою рану у виска, измерила температуру и заставила несколько раз медленно вдохнуть.

На третьем вдохе я зажмурилась.

— Больно?

— Терпимо.

— Я спрашивала не об этом.

— Да, больно.

— Где сильнее?

Я показала.

Она осторожно ощупала ребра, затем отступила.

— Ушиб серьезный. Но пока я не вижу признаков осложнений. Несколько недель вам придется беречься.

— Сколько именно?

— Через неделю посмотрю, как вы поправляетесь. Тогда и скажу точнее.

Я недовольно вздохнула.

Грета приподняла брови.

— Вы так реагируете, будто я лично приказала вашим ребрам болеть.

— Просто мне нужно выбраться отсюда.

— Ваши ребра об этом не знают.

Я хотела рассмеяться, но вовремя вспомнила, чем это закончится.

— А ходить мне можно?

— Понемногу. Если не кружится голова.

— Во дворе?

Она посмотрела на меня внимательнее.

— Вы хотите прогуляться?

— Я хочу увидеть что-нибудь, кроме этих стен.

— Думаю, короткая прогулка вам не повредит.

— Генерал разрешит?

Грета сложила использованные полотенца.

— Вы спрашиваете у меня или у него?

— У вас.

— Тогда я разрешаю. Но только после завтрака и вместе со мной.

Я не стала спрашивать, почему в двадцать восемь лет должна радоваться разрешению погулять.

Сейчас мне было важнее выйти.

Пока Грета помогала мне переодеться, я внимательно рассмотрела приготовленное платье.

Темно-зеленая шерсть, простой крой, удобные застёжки спереди. Новое платье, похоже, купили специально для меня.

— Кто выбирал одежду?

— Я.

— Вы удивительно точно угадали размер.

— Я вас осматривала, помните?

— Помню не все.

— Это платье можно надеть, не поднимая руки слишком высоко. Поэтому я его и выбрала.

Я провела пальцами по мягкой ткани.

— Сколько оно стоит?

Грета остановилась.

— Что?

— Платье. Я хочу знать цену.

— Сейчас вам не о чем беспокоиться.

— Мне есть о чем беспокоиться. Я не хочу оказаться должна генералу еще и за одежду.

— Вы не обязаны ничего оплачивать.

— Это он так сказал?

— Это я вам говорю.

Она затянула пояс чуть свободнее, чтобы ткань не давила на повязку.

— Впрочем, если вам будет спокойнее, я запишу расходы. Когда все закончится, сами решите, что с ними делать.

— Спасибо.

— Не за что. Теперь садитесь завтракать.

На столе стояли овсяная каша, хлеб и чай.

Я ела медленно, разглядывая комнату.

Вчера она показалась мне уютной. Сегодня я замечала совсем другие подробности.

На оконной раме была задвижка, но створка открывалась только наполовину. В шкафу не было ничего острее портновских ножниц с закругленными концами. В коридоре, судя по шагам, регулярно появлялся один и тот же человек.

А на моей двери оставался замок, который нельзя было открыть изнутри.

Кто-то хорошо подготовился к приезду гостя, которую не собирался выпускать.

Во двор мы вышли после девяти.

Грета провела меня по коридору, затем вниз по широкой деревянной лестнице. На первом этаже пахло воском, печеным хлебом и дымом из каминов.

Дом оказался старым. Стены местами были обшиты темными панелями, на лестничных площадках стояли сундуки и тяжелые кресла. В отличие от парадных императорских резиденций здесь не пытались заполнить каждое свободное место дорогими вещами.

На стене возле лестницы висела большая карта восточных земель.

Я замедлила шаг.

— Это карта пограничных округов?

— Да, — ответила Грета. — Генерал привез ее несколько лет назад.

— Можно посмотреть?

— Только недолго.

Я подошла ближе.

В центре был отмечен Ровен. Севернее тянулась дорога к старому торговому мосту. Южнее находились две деревни, а на западе начинались холмы.

Лиорн располагался далеко за краем карты.

Я запомнила расположение дорог.

Грета терпеливо подождала.

— Что-нибудь нашли?

— Пытаюсь понять, где нахожусь.

— В Ровене.

— Вы уже говорили.

— Вот и замечательно. Значит, я не зря повторяла.

Она направилась к двери.

Возле выхода стояла молодая служанка с корзиной чистого белья.

Увидев нас, девушка остановилась.

— Доброе утро, госпожа Ланц.

— Доброе, Олга. Передай на кухню, что госпожа Лида сегодня будет обедать у себя.

Я посмотрела на лекарку.

Лида?

Служанка перевела взгляд на меня.

— Вам уже лучше, госпожа?

Я открыла рот.

Настоящее имя едва не сорвалось с языка.

— Немного, спасибо.

— Если понадобится горячая вода, позвоните. В вашей комнате есть шнур у кровати.

Девушка улыбнулась и пошла дальше.

Я подождала, пока она скроется за поворотом.

— Кто такая Лида?

Грета остановилась.

— Вы.

— Очень интересно. А можно узнать, почему я только сейчас об этом услышала?

— Потому что при слугах вас называют Лидой.

— С каких пор?

— Со вчерашнего вечера.

— И кто решил, что мне необходимо другое имя?

Грета посмотрела на закрывшуюся за девушкой дверь.

— В санитарной повозке вы были записаны как Лида. Если бы мы назвали здесь другое имя, возникли бы лишние вопросы.

Я почувствовала, как внутри снова поднимается злость.

— Подождите. В повозке меня тоже записали не под моим именем?

— Да.

— Каким образом?

— Как пострадавшую служительницу.

— И никто не проверил?

— Проверяли раненых, которых перевозили в госпиталь. Генерал распорядился доставить вас сюда.

Я вспомнила список погибших.

Официально переводчица Аделия Восс умерла при разрушении северного перехода.

А из крепости вывезли какую-то Лиду.

Очень удобно.

— Что знают слуги?

— Что вы моя дальняя родственница. Пострадали в дороге, когда перевернулась повозка. Я попросила разрешения ухаживать за вами здесь.

— Получается, вы солгали всему дому?

— Получается.

Она сказала это без удовольствия.

— И сколько человек знает мое настоящее имя?

Грета помолчала.

— Генерал. Я. Капитан Таль.

— Кто это?

— Марек Таль. Один из офицеров генерала. Он помогал с вашим перевозом.

— Больше никто?

— Насколько мне известно, нет.

Я посмотрела на ее лицо.

— А если кто-нибудь из слуг узнает?

— Это поставит вас под угрозу. И не только вас.

— Выходит, мне теперь придется отвечать на имя Лида?

— При посторонних — желательно.

— А если я откажусь?

Грета не стала угрожать.

— Тогда люди начнут задавать вопросы. Возможно, кто-нибудь из них расскажет о странной гостье родственникам в городе. Может быть, ничего не случится. А может быть, через несколько дней сюда приедут те, кто захочет узнать, почему женщина из списка погибших живет в доме генерала.

Я отвела взгляд.

Ненавидела признавать это, но она была права.

Не в том, что меня следовало запереть.

И не в том, что я должна была слепо исполнять указания Рейнара.

Но пока мое имя действительно могло привлечь опасных людей.

— Хорошо, — сказала я. — При слугах я Лида. Но вы не должны называть меня так, когда мы одни.

Грета кивнула.

— Договорились.

Я протянула руку к двери.

— А теперь я хотела бы выйти.

Она открыла ее.

После двух суток в комнате прохладный воздух показался удивительно приятным.

Внутренний двор Ровена был гораздо больше, чем я предполагала.

Вдоль стены тянулась крытая галерея. Под ней стояли деревянные скамьи, у дальней двери сушились связки трав. Возле конюшни несколько работников разгружали мешки с овсом.

На мокрых плитах еще оставались лужи после ночного до-

жда.

Грета предложила пройти вдоль галереи, чтобы не скользить.

Я сделала несколько шагов, остановилась, подышала.

— Голова не кружится? — спросила она.

— Нет.

— Тогда продолжим.

Мы прошли до поворота, за которым виднелся небольшой огород. На грядках росла поздняя зелень, возле стены стояли кадки с лекарственными растениями.

— Вы сами этим занимаетесь? — спросила я.

— Когда остается время. Остальное делают садовники.

— А это что?

Я указала на растение с узкими листьями и красноватым стеблем.

— Кровавый тысячелистник. Хорош для некоторых отваров, но вам сейчас его пить не нужно.

— Я и не собиралась.

— Все так говорят, пока не начнут лечиться самостоятельно.

Я улыбнулась.

Впервые с момента пробуждения мое внимание ненадолго заняло что-то, не связанное с пленом.

Потом у конюшни послышались мужские голоса.

— Нет, северным путем не поедешь, — говорил один. — Там размыло подход к мосту.

— Через нижнюю переправу дольше, — возразил другой.

— Зато лошадь не утопишь.

Я повернула голову.

Возле серой повозки стояли двое мужчин. Один держал свернутую карту, второй проверял подпругу оседланной лошади.

Рядом с ними находился Рейнар Дорн.

На этот раз он был в темном военном мундире без парадных украшений. На поясе висел меч.

Он заметил меня почти сразу.

— Госпожа Восс.

Оба мужчины повернулись.

Я с трудом удержалась от раздраженного взгляда.

Рейнар, судя по короткому движению бровей, сам понял свою ошибку.

К счастью, возле него стояли не слуги.

— Господин генерал, — ответила я.

Он подошел ближе.

— Как вы себя чувствуете?

— Лучше, чем вчера.

— Грета разрешила вам выходить?

— Да, — ответила лекарка прежде, чем я успела заговорить. — На четверть часа. И без ваших замечаний.

Рейнар посмотрел на нее, затем снова на меня.

— Рад, что вам лучше.

— А я рада, что могу хотя бы немного пройтись.

Он не ответил на мой намек.

— Познакомьтесь. Капитан Марек Таль.

Один из мужчин подошел.

Ему было около сорока. Светлые волосы коротко подстрижены, на лице несколько старых шрамов. В отличие от генерала он выглядел человеком, который привык спать там, где удалось найти место.

— Госпожа Восс.

— Капитан.

— Рад видеть вас на ногах.

— Вы помогали меня вывозить?

— Я занимался обозными записями и сопровождением.

— Значит, именно вы записали меня под именем Лиды?

Марек бросил короткий взгляд на генерала.

— Да.

— Почему выбрали это имя?

— Первое, которое пришло в голову.

— Очень предусмотрительно.

— У меня было мало времени, госпожа.

Сказано было без оправданий.

Я присмотрелась к нему.

— Вы всегда выполняете приказы генерала?

— Когда они относятся к моей службе.

— А если приказ вам не нравится?

— Тогда стараюсь объяснить, почему считаю его плохим.

Рейнар сухо заметил:

— Капитан делает это достаточно регулярно.

Марек чуть пожал плечами.

— Поэтому вы и держите меня при себе.

Я не ожидала такого ответа и впервые посмотрела на генерала без привычного желания немедленно с ним спорить.

Угол его рта едва заметно дрогнул.

— Вы отправляетесь в Лиорн? — спросила я Марека.

— Не лично. Я организую доставку поручения.

— Мне сказали, что утром вы поедете с поручением.

— Курьер уже выехал, — ответил Рейнар.

Я перевела взгляд на него.

— И что именно он повез?

— Запрос о местонахождении вашей сестры.

— Кому?

— Через независимого посредника.

— Имя у посредника есть?

— Ивена Саль.

Я удивилась.

— Ивена?

— Вы знакомы?

— Она работала с речными городами на переговорах. Я переводила для нее несколько заседаний.

— Знаю.

— Она жива?

Вопрос вырвался прежде, чем я успела подумать.

Рейнар кивнул.

— Ивена покинула Саар до нападения. Она сейчас в Лигне.

Я почувствовала такое облегчение, что пришлось опереться о колонну галереи.

Еще один знакомый человек оказался жив.

— Вы уверены?

— Я получил от нее письмо после нападения.

— Когда?

— Вчера.

— Она знает обо мне?

— Пока нет.

Я снова крепче взялась за колонну.

— Почему?

— Я хотел сначала удостовериться, что связь с ней безопасна.

— Она представительница нейтрального города.

— Это не значит, что ее письма никто не читает.

Я посмотрела на капитана.

— Курьер повез мое имя?

Марек ответил после короткой паузы:

— Нет. Только просьбу проверить положение вашей сестры.

— Но как Ивена поймет, почему вы интересуетесь Мартой?

— В запросе указано, что речь идет о семье одного из погибших участников переговоров, — пояснил Рейнар. — Та-

кие запросы сейчас поступают не только от нас.

— Значит, даже Ивена пока будет считать меня мертвой.

— До тех пор, пока мы не получим возможность поговорить с ней надежным способом.

Я медленно выдохнула.

— Вы могли хотя бы сказать мне об этом до отправки.

— Согласен.

Я посмотрела на него.

— Что?

— Надо было обсудить с вами содержание запроса. Я этого не сделал.

Меня настолько удивило признание, что я не сразу нашла ответ.

Рейнар повернулся к Мареку.

— Проверьте, как подготовлен второй пакет. И принесите мне сведения об оставшихся раненых из Саара.

— Будет сделано.

Капитан ушел к конюшне.

Мы остались втроем.

Грета посмотрела на меня.

— Вы еще можете пройти до сада. Но недолго.

— Я хотела бы поговорить с генералом.

— Разговаривать можно сидя.

Рейнар указал на скамью под галереей.

Я села осторожно, придерживая больной бок.

Он устроился на другом конце скамьи, оставив между на-

ми достаточно места. Грета отошла к грядкам, но осталась неподалеку.

Несколько секунд мы молчали.

— Вы обещали узнать о Марте, — сказала я. — Я благодарна, что запрос отправили. Но меня не устраивает, что все решается без меня.

— Я услышал вас.

— Вчера вы тоже слышали.

— Вчера я отвечал на другие вопросы.

— И ни на один толком.

Он положил руки на колени.

Я заметила свежие ссадины на правой кисти. На костяшках пальцев темнели небольшие корочки.

— Что вы хотите знать сейчас? — спросил он.

— Когда я смогу уехать?

— Пока не знаю.

— Через неделю?

— Возможно.

— Через месяц?

— Надеюсь, раньше.

— Это не ответ.

— Другого у меня сейчас нет.

Я повернулась к нему.

— Тогда объясните, что должно произойти, чтобы вы меня отпустили.

Рейнар немного помолчал.

— Мне необходимо установить, кто контролирует поиски свидетелей Саарского нападения. И найти место, где вас не смогут забрать под предлогом императорского расследования.

— Почему я не могу сама решить, куда поехать?

— Потому что вы пока не знаете, кто именно вас ищет.

— Так расскажите.

— Я не располагаю полной информацией.

— А чем располагаете?

Он посмотрел в сторону конюшни.

— Есть признаки того, что расправу организовали заранее. Люди, связанные с уполномоченным Верном, участвовали в перемещении делегаций и контролировали ворота. После нападения несколько документов исчезли из канцелярии.

— Каких?

— Прежде всего распоряжения, касающиеся гарнизона и эвакуации.

— Но я их переводила.

Он снова повернулся ко мне.

— Все?

— Не все. Те, что передавали представителям Эсмара и речных городов.

— Вы помните содержание?

— В общих чертах. Некоторые формулировки дословно.

Его взгляд стал внимательнее.

— Нам стоит поговорить об этом подробнее.

Я поднялась со скамьи.

— Стоит. Когда вы вернете мне мои записи и объясните, почему не доверяете ни одному официальному расследованию.

Он тоже встал.

— Аделя...

— Я не отказываюсь говорить. Но вы не можете требовать от меня полной откровенности, пока сами отвечаете только на удобные вопросы.

Грета подошла прежде, чем он успел возразить.

— На сегодня достаточно.

— Мы еще не закончили, — сказал генерал.

— Я вижу. Но у нее побледнели губы.

Он посмотрел на меня.

Я действительно чувствовала себя хуже.

— Поговорим позже, — произнес Рейнар.

— Если вы готовы отвечать на мои вопросы тоже.

— Согласен.

Я не ответила.

Грета взяла меня под локоть.

Мы медленно направились к дому.

У лестницы я обернулась.

Рейнар стоял возле скамьи, разговаривая с вернувшимся капитаном. Он уже не смотрел в мою сторону.

И все же я впервые за два дня подумала, что, возможно,

он не просто скрывает меня от внешней опасности.
Он сам чего-то опасается.
И пока не намерен рассказывать мне всего.

После прогулки я проспала почти два часа.
Проснувшись от тихого стука посуды.
Ольва расставляла на столе обед.
Увидев, что я открыла глаза, девушка смутилась.
— Простите, госпожа Лида. Я старалась не шуметь.
— Ничего страшного.
Она была совсем молодой, может быть, лет девятнадцати.
Светлые волосы выбивались из-под чепца, на рукаве виднелось пятно от муки.
— Госпожа Ланц сказала, что вам нужно есть горячее.
— Она всем это говорит?
Ольва улыбнулась.
— Почти всем.
— А генерал ее слушается?
Девушка неожиданно рассмеялась.
— Иногда.
— Только иногда?
— Госпожа Ланц как-то заставила его три дня сидеть дома после ранения. Все думали, он ее уволит.
— И что произошло?

— Ничего. Генерал сидел дома, а потом приказал сделать для лекарки отдельную кладовую.

Я представила Грету, отчитывающую высокого военачальника за попытку вернуться к службе с незажившей раной.

Картина показалась вполне правдоподобной.

— Вы давно здесь работаете, Олва?

— Второй год.

— Большой дом. Наверное, много хлопот.

— Не так много, когда хозяин уезжает. А он часто уезжает.

Девушка поправила салфетку.

— Вам что-нибудь еще принести?

— Нет, спасибо.

Она направилась к двери.

Я вспомнила, что хотела узнать.

— Олва.

— Да?

— А здесь поблизости есть город?

— Ровен в трех верстах. Поселение небольшое, но рынок хороший. По пятницам приезжают торговцы с северной дороги.

— А до Лиорна далеко?

Девушка задумалась.

— По речной дороге? Не знаю точно. Наши возчики туда ходят редко.

— А как обычно едут?

— Через старый мост и нижнюю переправу, наверное. Но это лучше у конюхов спросить.

Она улыбнулась.

— Вы хотите куда-нибудь поехать?

Я выдержала ее взгляд.

— Когда поправлюсь. Не люблю долго сидеть в одном месте.

— Тогда вам здесь будет скучно, госпожа. Особенно если пойдут дожди.

Она ушла.

Я осталась за столом.

Разговор получился коротким, но полезным.

Три версты до поселения.

По пятницам торговцы.

Северная дорога, старый мост, нижняя переправа.

Я повторила эти сведения про себя.

Не потому, что собиралась немедленно бежать. С больными ребрами и без денег это было бы глупо.

Но я не собиралась оставаться совершенно беспомощной.

К вечеру третьего дня после нападения Рейнар пришел снова.

На этот раз он постучал.

Я сидела за столом, пытаюсь записать все, что помнила об

эвакуации, и от неожиданности прикрыла ладонью.

— Войдите.

Дверь открылась.

Рейнар задержался на пороге.

— Можем поговорить?

Я посмотрела на часы.

— Грета разрешила?

— Разрешила четверть часа.

— Удивительно. Я думала, вы здесь главный.

— В вопросах лечения — нет.

Он вошел и закрыл дверь.

Я заметила, что замок остался открытым, пока он находился в комнате.

— Садитесь, — сказала я, указав на кресло.

Он сел.

В руках у него была моя дорожная сумка.

Я узнала ее сразу.

Темно-коричневая кожа, две медные застёжки, потертая ручка. На боковом кармане сохранилась маленькая царапина, которую я оставила еще весной, когда пыталась закрыть слишком полный багаж.

Я потянулась к ней.

Рейнар поставил сумку на стол.

— Ваши личные вещи.

Я открыла застёжку.

Внутри лежали гребень, платок, небольшой кошелек, до-

рожный нож в кожаном чехле, запечатанный пакет с нитками и иглами.

Рабочих блокнотов и папки с документами в сумке не было.

Я посмотрела на него.

— Где остальные бумаги?

— Отдельно.

— Почему?

— Их просушивали. Часть листов склеилась.

— Я хочу их видеть.

— Покажу.

— Когда?

Он чуть наклонил голову.

— Вы всегда требуете точный срок?

— Когда речь идет о моих вещах — да.

— Завтра.

— Все?

— Все, что удалось сохранить.

Я вынула кошелек.

В нем лежали шесть серебряных монет и несколько медных.

Немного.

До Лиорна этого хватило бы, если бы я могла свободно пользоваться дорогой. Но одежду, еду и место в повозке пришлось бы оплачивать. Да и кто согласился бы взять раненую женщину без документов?

Я закрыла кошелек.

— Спасибо, что вернули.

Рейнар посмотрел на раскрытую сумку.

— Блокноты имеют значение для расследования.

— Я понимаю.

— Возможно, в них найдется то, чего нет в штабном архиве.

— Возможно.

— Поэтому мне нужно, чтобы вы рассказали о переговорах.

Я убрала сумку на соседнее кресло.

— Сначала договоримся.

— О чем?

— О том, что происходит дальше.

Он откинулся на спинку.

— Я слушаю.

Я взяла чистый лист.

Раньше мне много раз приходилось составлять протоколы заседаний. Слова «договоримся» и «условия» действовали на людей лучше, когда за ними следовали конкретные пункты.

— Первое. Я получаю известие о сестре. Не просто ваше обещание, что с ней все хорошо, а проверяемый ответ от человека, которому могу доверять.

— Запрос уже отправлен.

— Я знаю. Но если Ивена ответит, вы покажете мне пись-

мо.

— Да.

— Не перескажете своими словами?

— Покажу.

Я записала первый пункт.

— Второе. Мои рабочие записи возвращаются мне. Если вы хотите использовать их для расследования, мы вместе определим, что можно передавать дальше.

— Согласен.

— Даже если я не разрешу переписывать все подряд?

— Я не стану использовать ваши личные заметки без вашего ведома.

— И хочу знать, кому вы показываете документы.

— Если они имеют отношение к делу, я сообщу.

Я подняла глаза.

— Не «если». Вы сообщите в любом случае.

Он помолчал.

— Хорошо.

Я записала второй пункт.

— Третье. Вы объясняете мне, чем именно опасны люди Верна и почему я не могу обратиться за защитой к нейтральным городам.

— Я уже объяснял.

— Частично.

— Потому что сейчас не могу утверждать больше, чем знаю.

— Тогда так и говорите. Не скрывайте сведения только потому, что считаете их неприятными для меня.

Рейнар долго смотрел на лист.

— Аделия, вы хотите, чтобы я рассказывал вам о каждой военной операции?

— Нет. Я хочу знать, что касается меня. Например, кто будет искать выживших из Саара, какие приказы получили заставы и почему вам опасно признать, что вы спасли одну переводчицу.

Его лицо осталось спокойным, но руки на подлокотниках немного напряглись.

— Вы задаете сложные вопросы.

— Они стали сложными не по моей вине.

— Это правда.

Я подождала.

Он наконец произнес:

— Я буду сообщать вам проверенные сведения, которые касаются вашей безопасности. Но часть информации пока придется оставить закрытой.

— Почему?

— Потому что она затрагивает других людей.

— Каких?

— Тех, кто помогает мне выяснить обстоятельства случившегося.

Я посмотрела на записанные условия.

— Получается, третьего пункта вы не принимаете.

— Полностью — нет.

Мне захотелось разорвать лист.

Но я заставила себя положить карандаш.

— Тогда мы остановились на двух.

— Пока да.

Я подняла на него глаза.

— Вы понимаете, что это не настоящий договор? Я могу согласиться или отказаться, но все равно останусь в вашей комнате под замком.

Он ничего не сказал.

— Я не собираюсь делать вид, что у нас равное положение.

— И не прошу.

— Тогда не называйте мои условия уступками, если завтра вы можете передумать.

Рейнар выпрямился.

— Я не стану отказываться от первых двух пунктов. И не буду требовать от вас благодарности за их выполнение.

Я посмотрела на него внимательнее.

В Сааре мне приходилось работать с генералами обеих сторон. Многие привыкли считать каждое согласие поражением. Рейнар, похоже, иначе относился к прямым возражениям.

Это не делало его действия правильными.

Но разговаривать с ним было возможно.

— Хорошо, — сказала я. — Тогда о чем вы хотели спросить?

Он достал из внутреннего кармана небольшой блокнот.
Я невольно усмехнулась.

— Вы даже подготовились.

— Вы убедили меня, что записать надежнее.

— Приятно слышать.

Он раскрыл блокнот.

— Начнем с распоряжения об эвакуации.

Я устроилась удобнее.

— Его представили утром, около восьми.

— Кто?

— Уполномоченный Верн. При нем были двое служащих канцелярии и офицер охраны.

— Тот, которого вы видели у ворот?

— Возможно. Я не уверена, что это был тот же человек, но застёжку помню.

Рейнар записал несколько слов.

— Что именно предусматривалось распоряжением?

— При тревоге вооруженное сопровождение делегаций передавалось гарнизону. Гражданских посланников и сотрудников канцелярии выводили в нижний двор. Там они должны были ожидать открытия западных ворот.

— Почему охрану отделяли?

— Нам объяснили, что восточные укрепления нуждаются в людях. Если нападение начнется с той стороны, дополнительные отряды должны удержать проход.

— Кто предложил такой порядок?

— Верн представил его как согласованный с комендантом.

— Вы видели подпись коменданта?

Я задумалась.

В памяти всплыл длинный лист с двумя печатями.

— Видела подпись под копией. Но не могу утверждать, что комендант подписал именно этот текст. В переводе нам выдали заверенный экземпляр.

— Вы его сохранили?

— Копия должна была остаться у секретарей делегаций. У меня были рабочие записи.

— А оригинал?

— Верн забрал после заседания.

Рейнар записал ответ.

— Капитан Харк возражал?

— Он дважды спрашивал, когда охрана сможет вернуться к посланникам. Верн сказал, что сразу после обеспечения прохода.

— Дословно?

Я закрыла глаза, вспоминая.

Верн говорил на имперском языке. Его произношение было безупречным, немного старомодным.

— «После подтверждения безопасности западного выхода охранные подразделения возвращаются к сопровождению гражданских лиц».

Рейнар поднял голову.

— Вы уверены?

— Да. Я повторяла эту фразу дважды. Харк потребовал точного перевода.

— Почему?

— Его не устраивало слово «после». Он хотел знать, кто подтверждает безопасность и сколько времени это занимает.

— Что ответил Верн?

— Что командование гарнизона.

Рейнар сделал запись.

— А когда прозвучала тревога?

— Вскоре после девяти. Точного времени не назову. Я была занята с бумагами.

— Кто вывел вас во двор?

— Солдаты гарнизона. Сначала все шло по распоряжению. Потом западные ворота не открылись.

Я замолчала.

Перед глазами снова появился нижний двор.

Люди, стоявшие с дорожными сумками.

Рада с папкой под мышкой.

Солдаты у ворот.

Рейнар не торопил меня.

— Дальше? — спросил он только спустя некоторое время.

— Я подошла к офицеру и попросила открыть проход. Он приказал отойти.

— На каком языке?

— На имперском.

— С акцентом?

— Нет. По крайней мере, я не заметила.

— Какие знаки различия были на его одежде?

— На воротнике знаков не было. На перевязи — серебряная застёжка с черной эмалью. Форма темно-серая, без знаков гарнизона.

— Оружие?

— Меч. У двух людей позади него были короткие арбалеты.

Рейнар остановил карандаш.

— Арбалеты?

— Да.

— Вы уверены?

— Один из солдат держал его так низко, что я видела металлическую дугу. Другой перезаряжал.

Он несколько секунд смотрел на меня.

— В Саарском гарнизоне арбалетов почти не было.

— Откуда вы знаете?

— Я изучал состав гарнизона до переговоров.

— Значит, эти люди могли прибыть извне?

— Могли.

— А могли взять оружие со складов?

— Тоже могли.

Я посмотрела на него с неожиданным уважением.

Он проверял мое наблюдение, даже когда оно подтверждало его подозрения.

— Что произошло потом? — спросил Рейнар.

Я опустила глаза.

— Рада потащила меня к северному переходу. Началась стрельба. Мы поднялись по ступеням. Потом был огонь.

— Вы видели, откуда он пришел?

Я покачала головой.

— Нет. Только свет над стеной.

Он молчал.

— Это был драконий огонь? — спросила я.

Рейнар поднял глаза.

— Почему вы так думаете?

— Я видела обычные пожары. Видела, как горят смоляные заряды. Это было другое. Камни раскололись сразу, а воздух стал таким горячим, что я не смогла вдохнуть.

Он медленно закрыл блокнот.

— Вероятнее всего, да.

— Чей?

— У меня нет доказательств, позволяющих назвать того, кто нанес удар.

Я заметила, что он сказал именно «нет доказательств».

Не «не знаю».

Но уточнять сейчас не стала.

— Вы же дракон, — произнесла я. — Вы должны понимать, насколько мощным был удар.

— Понимаю.

— Тогда скажите хотя бы, могли люди в галерее выжить?

Он посмотрел на мои перевязанные руки.

— Вы выжили.

— Я спрашиваю не о себе.

— Если человек находился возле самого места попадания, вероятность была небольшой. На удаленных участках шансов больше. Многое зависело от того, какие перекрытия обрушились.

Я отвернулась.

Он не пытался утешать меня пустыми обещаниями.

Наверное, следовало ценить хотя бы это.

Рейнар убрал блокнот.

— Мне понадобится полный рассказ. С последовательностью событий, именами и всем, что вы помните.

— Вы его получите.

— Когда?

Я посмотрела ему прямо в глаза.

— Когда узнаю, что Марта в безопасности.

Несколько секунд он молчал.

— Вы понимаете, что сведения могут быть срочными?

— Я уже рассказала вам главное.

— Это правда.

— А подробный письменный рассказ никуда не исчезнет за несколько дней. Я помню, что видела. И могу записать все сама.

Он взглянул на лист передо мной.

— Вы уже начали.

— Для себя.

— Можно посмотреть?

Я закрыла лист ладонью.

— Пока нет.

Рейнар опустил взгляд.

Потом кивнул.

— Хорошо.

Я ожидала, что он начнет настаивать.

Но он встал.

— Завтра вам принесут рабочие бумаги. Я распоряжусь, чтобы никто не переписывал их без вашего согласия.

— А письмо Марте?

— Оно у меня.

— Верните.

Он достал сложенный лист из кармана и положил на стол.

Я развернула его.

Мой почерк.

Мои слова.

Ни одной новой отметки.

— Вы не отправили его, — сказала я.

— Нет.

— И не отправите?

— Не через обычную почту.

Я сложила письмо обратно.

— Тогда оно останется у меня.

— Разумеется.

Он направился к двери.

— Генерал.

Рейнар обернулся.

— Да?

— Вы действительно считаете, что мне безопаснее здесь?

— Сейчас — да.

— А если через неделю выяснится, что опасность никуда не исчезла?

Он не ответил сразу.

— Будем искать другое решение.

— Вы обещаете?

— Я обещаю, что это не будет длиться бесконечно.

Мне хотелось спросить, что в его представлении означает «бесконечно».

Но Грета уже стучала в дверь.

Рейнар открыл ей сам.

— На сегодня все, — сказал он.

— Надеюсь, — ответила лекарка. — Потому что я слышала ваш разговор даже из коридора.

Я удивилась.

— Мы не кричали.

— Это не значит, что вы не утомили друг друга.

Рейнар чуть поклонился мне.

— Доброй ночи, Аделия.

— Доброй ночи.

Он вышел.

Грета посмотрела на мой лист с условиями.

— Ну как?

— На два пункта согласился.

— Из трех?

— Да.

— Неплохое начало.

Я медленно сложила бумагу.

— Начало чего?

— Разговора, в котором вы оба хотя бы иногда слушаете ответы.

Она поправила лампу.

Я ничего не сказала.

Потому что, как ни неприятно было это признавать, сегодня я впервые получила от Рейнара Дорна больше конкретных ответов, чем приказов.

Но дверь после его ухода все равно заперли.

Четвертый день начался с дождя.

Ветер гнал воду по оконным стеклам. Двор казался серым, люди перебегали от одной галереи к другой, прикрывая головы плащами.

Я проснулась рано.

Боль под ребрами немного притупилась, хотя при резком движении все еще приходилось останавливаться. Грета пре-

дупредила, что это не повод геройствовать.

После завтрака она принесла мои рабочие бумаги.

Два блокнота и несколько листов лежали между чистыми полотнами ткани.

Я осторожно взяла первый блокнот.

Кожа на обложке потемнела от воды. Нижний угол разбух, часть страниц слиплась.

Но записи сохранились.

Мой собственный почерк.

Даты.

Имена.

Переводы выступлений.

Мне вдруг стало гораздо легче.

Не потому, что бумаги могли помочь расследованию.

Они подтверждали, что моя прежняя жизнь действительно существовала.

Я была не Лидой, пострадавшей служительницей из чужой повозки.

Я была Аделией Восс, переводчицей, которой доверяли составлять документы на переговорах между двумя воюющими государствами.

Я могла работать.

И у меня оставалось дело, которое никто не имел права отнимать.

— Все на месте? — спросила Грета.

— Пока не знаю. Нужно разобрать.

— Я попросила не отделять слипшиеся листы. Если потянуть слишком резко, порвутся.

— Правильно сделали.

Я раскрыла сухую часть первого блокнота.

На странице сохранилась запись, сделанная утром перед нападением.

«Западный выход. Ответственный — комендантская служба. Подтверждение — после сигнала».

Я провела по строке пальцем.

Раньше подобные пометки были для меня обычной работой.

Теперь каждое слово казалось важным.

Грета поставила рядом чистую воду.

— Не сидите над ними весь день.

— Постараюсь.

Она направилась к двери.

— Грета.

— Что?

— Спасибо, что принесли.

Женщина посмотрела на бумаги.

— Это ваши вещи. Вам давно следовало их вернуть.

Я улыбнулась.

Когда она ушла, я разложила записи в порядке дат.

Некоторые страницы пришлось просушивать отдельно. Я не пыталась раскрывать поврежденные места, чтобы не испортить текст.

Около полудня нашла копию списка участников утреннего совещания.

Там значились Верн, комендант Саара, два представителя Эсмара, Ивена Саль и несколько секретарей.

Рейнара Дорна среди участников не было.

Это соответствовало моим воспоминаниям: на самом утреннем совещании он не присутствовал.

Но раньше я видела его на других переговорах. Он обсуждал военную безопасность крепости и несколько раз резко возражал Верну.

Я пыталась восстановить их разговор.

Что именно его не устраивало?

Почему он так настойчиво спрашивал о путях вывода гражданских?

Возможно, генерал уже тогда подозревал опасность.

А возможно, просто выполнял свою работу.

Я записала оба предположения на отдельном листе.

Сразу же зачеркнула слово «подозревал».

Никаких доказательств этому у меня не было.

Ближе к вечеру дождь ослаб.

Грета предложила снова немного пройтись, но на этот раз не по двору, а по нижней галерее.

— Там сухо, — объяснила она. — И вам будет полезно

сменить обстановку.

Я согласилась.

В коридоре возле кухни пахло жареным мясом. Из-за приоткрытой двери доносились голоса поварих.

— Говорят, опять будут задерживать повозки у переправы.

— Да кого там задерживать? Торговцев?

— Всех, у кого бумаги не в порядке.

Я замедлила шаг.

Грета заметила это.

— Идемте, Аделия.

— Вы слышали?

— Слышала.

— О каких проверках они говорят?

— После нападения на Саар заставы усилили охрану.

— На всех дорогах?

— Не знаю.

— А вы можете узнать?

Она посмотрела на меня.

— Для чего?

— Потому что я хочу понимать, что происходит за пределами этого дома.

— Спрошу у Марека.

Мы вышли в галерею.

Внизу находился небольшой крытый дворик, куда выходили двери хозяйственных помещений. У дальнего навеса

стояла повозка с двумя лошадьми.

Возница что-то обсуждал с молодым конюхом.

Я остановилась у перил.

— Это та самая повозка, на которой привозят продукты?
— спросила я.

Грета посмотрела вниз.

— Одна из них.

— Она ездит в Ровен?

— Да. Несколько раз в неделю.

— А куда еще?

— По хозяйственным делам. В соседние деревни, к мельнице.

Я кивнула.

— А до Лиорна здесь какая дорога?

Грета вздохнула.

— Вы опять пытаетесь выяснить маршрут?

— Я переводчица. Мне нравится знать, где я нахожусь.

— Очень удобное объяснение.

— И правдивое.

Она немного подумала.

— До Лиорна есть две основные дороги. Одна идет через старый мост, другая — вдоль реки. На хороших почтовых лошадях можно добраться за два дня. На повозке обычно дольше.

— Насколько?

— Дня три. Если дороги не размыты.

Я посмотрела на мокрые камни во дворе.

— Значит, письмо к Марте могло прийти уже сегодня.

— Могло. Но мы не знаем, каким маршрутом отправили извещение.

— А ответ от Ивены?

— Его еще не получили.

— Курьер выехал вчера утром.

— И ему нужно добраться до Лиорна, найти посредника, дождаться сведений и вернуться.

Я знала это.

Разумеется, знала.

Но ждать оказалось куда тяжелее, чем рассчитывать дорогу на бумаге.

— Он может вернуться к шестому или седьмому дню, — сказала я.

— Если не будет задержек.

— Хорошо.

Грета посмотрела на меня с сочувствием.

— Аделия, вы ведь понимаете, что отсутствие ответа сейчас ничего не значит?

— Понимаю.

Я снова повернулась к повозке.

Конюх поднял оглоблю, проверил крепление. Возница ушел в хозяйственный корпус.

У ворот стояли два охранника.

Один курил под навесом, второй разговаривал с управля-

ющим.

Все происходило совершенно обыкновенно.

Чужой дом жил своей жизнью. По утрам здесь кормили лошадей, отвозили продукты на рынок, а к ужину возвращались домой. По вечерам слуги обсуждали погоду и цены на зерно.

Никто, кроме трех человек, не знал, что в одной из комнат находилась женщина, которую официально похоронили.

Это и было самым страшным.

Не замок.

Не вооруженные люди.

А то, насколько легко мое исчезновение вписалось в чужую повседневность.

Вернувшись в комнату, я обнаружила на столе новую стопку бумаги.

Рядом лежали чернильница, перо и небольшой нож для его заточки.

Поверх стопки находилась записка.

«Для ваших записей. Р. Д.»

Я повертела лист в руках.

Генерал выполнил второе условие.

Не только вернул блокноты, но и предоставил все необходимое для работы.

Я села и взяла перо.

Сначала хотела написать Рейнару ответ, но передумала.

Благодарить за исполнение обещанного не было необходимости.

Вместо этого я открыла новый лист и составила список событий в Сааре.

Без предположений.

Только то, что помнила.

Время утреннего совещания.

Разговор Верна с капитаном Харком.

Разделение охраны и делегатов.

Закрытые западные ворота.

Солдаты без гарнизонных знаков.

Серебряная застёжка.

Хромота офицера.

Первые выстрелы.

Падение Рады.

Огонь над крепостью.

Я остановилась.

Вспомнила еще одну подробность.

Когда мы бежали к северному переходу, кто-то крикнул из нижнего двора, что восточный проход тоже перекрыт.

Я слышала эти слова.

Но не видела, кто их произнес.

Записала именно так.

Потом добавила отдельной строкой:

«Не знаю, что происходило за воротами и кто командовал нападавшими».

Мне хотелось иметь готовый ответ на все вопросы.

Хотелось назвать виновного и объяснить, почему погибли люди, которые приехали договариваться о мире.

Но пока у меня были только обрывки событий.

И я знала по своей работе, насколько опасно выдавать догадки за подтвержденные факты.

Закончив запись, я отложила перо.

За окном темнело.

Внизу снова появились работники конюшни. Они заводили лошадей под крышу, переносили седла, закрывали ворота хозяйственного двора.

Я внимательно следила за ними.

Один из конюхов вынес из конюшни фонарь и повесил его возле боковой калитки.

Значит, калиткой пользовались и после наступления темноты.

Я не знала, куда она выходила.

Но собиралась выяснить.

Перед ужином пришел Рейнар.

Я не ожидала его так рано.

Он остановился у двери, заметив разложенные листы.

— Грета сказала, что вы получили записи.

— Получила.

— Удалось восстановить что-нибудь полезное?

— Несколько страниц сохранились почти полностью.

— Можно будет с ними ознакомиться?

Я посмотрела на него.

— Когда разберу все и пойму, что относится к делу.

— Хорошо.

Он не пытался подойти к столу.

Я закрыла один из блокнотов.

— Вы пришли только из-за документов?

— Нет.

— Тогда слушаю.

Рейнар немного помолчал.

— Марек получил сведения о проверках на дорогах. После Саара заставам приказано сообщать о людях, которые покинули крепость без регистрации.

— Всем людям?

— Прежде всего сотрудникам делегаций и обслуживающему персоналу.

— Значит, вы были правы. Меня действительно ищут.

— Возможно. Но у меня пока нет подтверждения, что поиски направлены именно на вас.

Я почувствовала неприятный холод.

— А кто отдал приказ?

— Имперская канцелярия.

— Верн?

— Приказ прошел через его ведомство.

— Вы можете показать его?

— Когда получу заверенную копию.

Я вспомнила наш разговор.

— Это относится к третьему пункту.

— Да.

— И вы все-таки решили рассказать.

— Потому что сведения проверены.

Я откинулась на спинку кресла.

— Благодарю.

Рейнар взглянул на мое письмо Марте, лежавшее рядом с блокнотом.

— Вы не передумали насчет его отправки?

— Нет.

— Даже зная о проверках?

— Я не собираюсь передавать его обычной почтой без защиты. Но хочу, чтобы Марта узнала правду как можно скорее.

Он кивнул.

— Когда Ивена подтвердит, что связь безопасна, письмо можно будет передать через нее.

— Вы обещаете?

— Да.

Я внимательно посмотрела на него.

— А если это займет еще неделю?

— Тогда будем искать другой способ.

— Без вашего разрешения я все равно ничего не смогу сделать.

Рейнар выдержал мой взгляд.

— Я знаю, что вас это не устраивает.

— Меня не устраивает не только это.

— Что еще?

Я указала на дверь.

— Вы могли бы перестать запира́ть комнату.

Он посмотрел на замок.

— Пока нет.

— Я уже знаю, что не могу уйти через парадные ворота.

Зачем держать меня взаперти внутри дома?

— Потому что здесь бывают люди, которые не должны знать, кто вы.

— Я могу представляться Лидой.

— А если кто-нибудь узнает вас по лицу?

— Разве вы не говорили, что мое имя известно только трем людям?

— Слуги вас не знают. Но в поместье могут приезжать офицеры, служившие в Сааре.

— Тогда предупредите меня об их приезде.

— Я не всегда могу предсказать, кто окажется в доме.

Я опустила глаза.

Он не кричал. Не угрожал. Просто перечислял причины, по которым мне следовало оставаться там, где он решил.

От этого спор становился особенно тяжелым.

— Вы привыкли отдавать приказы, — сказала я.

— Да.

— А я привыкла работать с документами. Если мне не нравится условие, я предлагаю другое.

— Предлагайте.

— Не запирайте меня. Скажите, в каких комнатах бывают посторонние, и я не стану туда ходить.

Он подумал.

— Я могу разрешить вам находиться в саду и нижней галерее с Гретой. Но не передвигаться по дому одной.

— Это не то, о чем я просила.

— Пока это все, что могу предложить.

Я посмотрела на него.

— Вы сами слышите, как это звучит?

— Слышу.

— И вас устраивает?

— Нет.

Ответ оказался неожиданным.

Я замолчала.

Рейнар медленно провел ладонью по подлокотнику кресла.

— Мне не нравится, что вы находитесь здесь против своей воли. Но если я сейчас разрешу вам свободно покидать дом, а через два дня люди Верна задержат вас на дороге, я не смогу исправить последствия.

— А если вы ошибаетесь?

Он посмотрел прямо на меня.

— Тогда мне придется признать это.

— Когда?

— Когда у нас будет достаточно сведений.

Я устало закрыла глаза.

Мы снова вернулись к тому же самому.

Никто не знал, сколько продлится ожидание.

Кроме того, я все яснее понимала, что генерал считает любое свое решение временным, даже если для меня оно означает каждый прожитый день.

— У вас есть семья? — спросила я неожиданно.

Он чуть нахмурился.

— Вы уже спрашивали.

— Вчера я спрашивала о близких. Теперь хочу узнать, кто ждет вас дома.

— Никто.

Ответ прозвучал без особой печали.

— Совсем?

— У меня нет жены и детей. Дальние родственники живут в других местах.

— И вас устраивает такая жизнь?

Рейнар посмотрел на окно.

— До недавнего времени мне почти не приходилось бывать здесь дольше нескольких недель.

— Вы все время воюете?

— Последние годы — в основном.

— А до войны?

— Служил на границе.

Я подумала о собственном доме, которого у меня пока не было.

О переводческом бюро, которое собиралась открыть.

О Марте, обещавшей помочь с переплетами и оформлением заказов.

— Странно, — сказала я.

— Что именно?

— У вас такой большой дом. И вы почти в нем не живете.

Он взглянул на меня.

— А вам хотелось бы большой дом?

— Нет. Мне достаточно трех комнат. Одна для работы, другая для сна, третья для книг и гостей.

— Книги займут всю третью комнату?

— Если дела пойдут хорошо.

Впервые он улыбнулся.

Совсем немного.

Но я заметила.

— Значит, вам нужна не комната, а библиотека.

— Сначала мне нужна возможность самой платить за жилье.

Улыбка исчезла.

Я пожалела, что произнесла это так резко.

Не потому, что была неправа.

На мгновение мы разговорились, и мне самой не хотелось снова вспоминать о замке на двери.

Рейнар встал.

— Я распоряжусь, чтобы вас завтра снова вывели в сад, если позволит погода.

— Благодарю.

— И если Грета сочтет, что вам можно гулять.

— Разумеется. Грета здесь главный человек.

Он слегка усмехнулся.

— В некоторых вопросах.

Я проводила его до двери.

У порога он остановился.

— Аделия.

— Да?

— Вы не обязаны отвечать на вопросы, если устали. Я могу прийти в другой день.

Я удивилась.

— Вы пришли и теперь предлагаете мне не разговаривать?

— Я говорю, что вы можете отказаться.

Я посмотрела на его лицо.

Усталость под глазами стала заметнее. Он, вероятно, тоже почти не спал после Саара.

Мне захотелось спросить, что именно не давало ему дышать.

Но я не спросила.

— Тогда сегодня я отказываюсь, — сказала я.

Он кивнул.

— Хорошего вечера.

И вышел.

Через несколько мгновений в замке повернулся ключ.

Я смотрела на дверь.

Рейнар Дорн умел говорить правильные слова.

Но пока его поступки противоречили некоторым из них.

И я собиралась это запомнить.

Ночью мне долго не удавалось уснуть.

Не из-за боли.

Я привыкла обрабатывать сведения, составлять таблицы, сопоставлять даты и места. Когда передо мной возникала сложная задача, я обычно начинала с того, что отделяла известное от неизвестного.

Сейчас известного было немного.

Рейнар спас меня после нападения.

Он знал о моей смерти в официальном списке и не сообщил канцелярии правду.

Ему помогали Грета и капитан Таль.

В доме меня называли Лидой.

На дорогах проверяли людей, покинувших Саар без регистрации.

Ивена Саль находилась в Лиорне.

Марта могла уже получить извещение о моей смерти.

Все остальное оставалось под вопросом.

Я села за стол и взяла чистый лист.

В левой части записала то, что знала о доме.

Два этажа жилого крыла.

Главная лестница.

Нижняя галерея.

Внутренний двор.

Конюшня.

Хозяйственная калитка.

Парадные ворота.

Неподалеку поселение Ровен.

Северная дорога к старому мосту.

Нижняя переправа.

Лиорн — два дня на почтовых лошадях, около трех на повозке.

Затем перечислила то, чего не знала.

Куда выходит хозяйственная калитка?

Когда отправляются обозы?

Кто проверяет дорожные документы?

Есть ли в Ровене почтовая станция?

Можно ли нанять повозку, не предъявляя имперского пропуска?

Сколько денег понадобится на дорогу?

Я остановилась.

В кошельке лежали шесть серебряных монет.

Этого могло хватить на место в общем обозе и недорогой ночлег, если дорога будет безопасной.

Но после ранения я все еще быстро уставала. Даже сегодняшний разговор с генералом утомил так, что пришлось дважды останавливаться, чтобы перевести дыхание.

Бежать сейчас было бессмысленно.

Однако оставаться и ждать, пока Рейнар Дорн решит за меня все остальное, я тоже не собиралась.

Я сложила лист и убрала его в нижний карман сумки.

Потом достала письмо Марте.

Перечитала несколько строк.

«Я жива. Я ранена, но поправляюсь».

Я не знала, когда она их увидит.

Именно это причиняло боль сильнее всего.

Мне вдруг вспомнилось, как однажды мы с Мартой потеряли друг друга на летней ярмарке.

Ей тогда было одиннадцать, мне девятнадцать. Я отвлеклась возле книжного лотка, а она пошла посмотреть на представление у городской ратуши.

Я искала ее почти час.

Когда наконец нашла, Марта возмущенно сказала, что вообще не потерялась. Просто стояла возле фонтана и ждала, пока я догадаюсь туда прийти.

Мы тогда долго спорили.

Я ругала ее за то, что ушла без предупреждения.

Она отвечала, что предупреждала, только я слушала про-

давца книг.

Потом мы купили горячие пироги и договорились, что в следующий раз будем заранее назначать место встречи.

С тех пор так и делали.

На рынках.

На пристанях.

В незнакомых городах.

У нас всегда было место, куда можно прийти, чтобы найти друг друга.

Теперь Марта не знала даже, где меня искать.

Я прижала письмо к столу, чтобы расправить сгибы.

Никогда прежде я не думала, что имя может быть такой важной вещью.

Обычно его просто называли, записывали в документах, ставили под письмами.

Теперь мое настоящее имя было напечатано в списке погибших.

А живой я должна была отзываться на чужое.

Я посмотрела в сторону двери.

За ней прошел караульный. Его шаги затихли у лестницы.

Через несколько минут в коридоре снова стало тихо.

Я потушила лампу, оставив только маленький огонек у кровати.

Легла, осторожно устроившись на здоровом боку.

Завтра мне снова придется улыбаться Олве, отвечать на имя Лида и делать вид, что я просто выздоравливающая род-

ственница лекарки.

Я могла выдержать это еще несколько дней.

Но не собиралась превращать временное убежище в постоянную тюрьму.

И если генерал не сможет назвать мне срок освобождения, я сама найду дорогу в Лиорн.

Для начала нужно было узнать, куда ведет хозяйственная калитка.

Глава 3. Мои условия

На пятый день после нападения я впервые смогла самостоятельно спуститься по лестнице.

Двигалась медленно, придерживаясь за перила. На нижней площадке пришлось остановиться и подождать, пока утихнет боль под ребрами.

Грета стояла позади и терпеливо молчала.

— Можете сказать, — произнесла я.

— Что именно?

— Что предупреждали меня не торопиться.

— Я собиралась предложить вам сесть. Но если хотите, могу и поворчать.

— Не нужно.

— Тогда садитесь.

На площадке стояло старое кресло с потертыми подлокотниками. Я опустилась в него, чувствуя себя совершенно беспомощной.

Еще неделю назад мне приходилось проводить по десять часов за переговорным столом, бегать между канцеляриями и подниматься на третий этаж Саарской крепости по несколько раз за утро.

Теперь обычная лестница заставляла меня отдыхать.

— Долго это будет продолжаться? — спросила я.

Грета присела рядом.

— Ушибленные ребра болят неделями, Аделия. Но с каждым днем должно становиться легче. Главное — не заработать осложнений из-за собственной спешки.

— Я не могу провести здесь несколько недель.

— Тем более не спешите. Падение на лестнице только задержит выздоровление.

Я посмотрела в окно.

Дождь закончился еще ночью. Во дворе стояли две телеги, возле одной работники перекладывали мешки. За воротами виднелся кусочек дороги.

Мне очень хотелось пройти туда.

Хотя бы посмотреть, куда она ведет.

— Куда мы идем? — спросила я.

— В маленькую гостиную. Генерал распорядился подать вам туда завтрак.

Я повернула голову.

— Почему?

— Потому что вы вчера жаловались, что устали сидеть в комнате.

— Я жаловалась на запертую дверь.

— Это тоже.

Я поднялась.

— А сама комната теперь открыта?

Грета вздохнула.

— Пока нет.

— Тогда ничего не изменилось.

— Изменилось хотя бы то, что вам разрешили пользоваться нижним этажом.

Я посмотрела на нее.

— Вы действительно считаете, что я должна радоваться каждому новому разрешению?

— Нет. Но я считаю, что вам сейчас полезнее поесть за нормальным столом, чем снова целый день спорить с закрытой дверью.

С этим было трудно не согласиться.

Маленькая гостиная находилась рядом с библиотекой. В ней стояли круглый стол, четыре кресла и диван с выцветшей синей обивкой. Окна выходили на сад.

На столе стоял чай, рядом лежали хлеб, масло и вареные яйца.

Я села возле окна.

— Здесь можно работать?

— Если не будете сидеть до вечера.

— Мне нужно разобрать записи.

— Я принесу их после завтрака.

— Все?

— Все, которые у вас остались. Не надо смотреть на меня так, будто я собираюсь спрятать половину.

Я улыбнулась.

Грета налила чай и поставила чашку передо мной.

— Аделия, я хотела спросить...

Она остановилась.

— Что?

— Вы уверены, что хотите узнать все о Сааре прямо сейчас?

Я подняла глаза.

— Почему вы спрашиваете?

— Потому что после вчерашних записей вы почти не спали. Утром у вас были такие синяки под глазами, что я решила, будто вы снова пытались разобрать все события до расвета.

— Так и было.

— Вот именно.

Я положила ложку.

— Грета, если я перестану думать о случившемся, от этого ничего не изменится. Люди останутся мертвыми. Марта по-прежнему будет считать, что я погибла. А те, кто устроил нападение, никуда не исчезнут.

Она молчала.

— Мне легче, когда я хоть что-то делаю, — добавила я.

— Даже если просто записываю то, что помню.

— Хорошо. Только обещайте делать перерывы.

— Обещаю.

Грета поднялась.

— Тогда ешьте. А я принесу бумаги.

У двери она обернулась.

— И не вздумайте обследовать библиотеку без меня. К верхним полкам там поднимаются по приставной лестнице.

С вашими ребрами это плохая затея.

Я проводила ее взглядом.

В этом доме существовало удивительное количество способов причинить себе вред.

По мнению Греты, практически все они начинались с моего желания куда-нибудь пойти.

К одиннадцати часам стол был завален бумагами.

Я разложила записи по датам, отделила сухие страницы от поврежденных и начала составлять подробный перечень распоряжений, которые проходили через переводческую службу Саара.

Работа оказалась труднее, чем я предполагала.

Часть чернил расплылась. На нескольких листах текст сохранился только с одной стороны. Один блокнот пришлось раскрывать настолько осторожно, что за полчаса мне удалось отделить всего три страницы.

Но среди поврежденных бумаг нашлось кое-что важное.

Предварительный перевод распоряжения об эвакуации.

Я узнала его по собственной пометке на полях.

«Уточнить порядок возвращения охраны».

Эту строку я написала после того, как капитан Харк потребовал объяснить, когда его люди смогут снова сопровождать делегацию.

В предварительном варианте говорилось:

«Охранные подразделения передаются командованию гарнизона до подтверждения безопасности западного выхода».

Я открыла второй блокнот.

Там сохранилась запись окончательной формулировки, которую Верн произнес на утреннем совещании.

«После подтверждения безопасности западного выхода охранные подразделения возвращаются к сопровождению гражданских лиц».

На первый взгляд обещание было тем же: охрана должна вернуться.

Но в окончательной формулировке исчезло прямое указание, что до этого она подчиняется гарнизону.

В первом варианте охрана оставалась под командованием гарнизона до отдельного подтверждения. Во втором возвращение выглядело обязательным следствием этого подтверждения.

А кто именно должен был его дать?

Комендант.

Человек, от которого зависело открытие ворот.

Я переписала обе формулировки на отдельный лист.

Затем достала записи предыдущего дня.

Там упоминался еще один документ — общий порядок эвакуации, согласованный с речными городами.

В нем говорилось, что гражданские лица должны поки-

дать крепость под сопровождением собственных охранных подразделений, если стороны не договорятся об ином.

Получалось, накануне нападения этот порядок изменили.

Сделали это официально, при свидетелях, с участием переводчиков.

И все же я не помнила, чтобы кто-нибудь из присутствовавших прямо согласился оставить делегации без вооруженной защиты на неопределенное время.

Я отложила перо.

Потом еще раз перечитала записи.

Нет, дело было не в ошибке перевода.

Все формулировки были понятны.

Просто их смысл оказался гораздо страшнее после того, как западные ворота остались закрытыми.

В дверь постучали.

— Войдите.

На пороге появился Рейнар.

Сегодня он был без мундира. На нем были темные брюки, белая рубашка с закатанными рукавами и жилет.

В руках генерал держал тонкую папку.

— Грета сказала, что вы здесь работаете.

— Да. Проходите.

Он вошел и остановился возле стола.

— Вы уже нашли что-нибудь?

— Возможно.

Я показала ему два листа.

Рейнар наклонился, чтобы прочесть.

— Это ваши переводы?

— Предварительный и окончательный.

Он внимательно сравнил строки.

— Вы считаете, что смысл изменили намеренно?

— Я считаю, что формулировки позволяют по-разному понимать момент возвращения охраны. И хочу увидеть полный текст распоряжения, которое подписал комендант.

Рейнар положил на стол свою папку.

— Я принес выписку из штабного архива.

Я сразу потянулась к ней.

— Полную?

— Пока только копию той части, которую удалось получить.

Он не стал удерживать папку.

Внутри лежало несколько листов с канцелярскими отметками и заверительной печатью.

Я просмотрела первый.

Распоряжение о размещении подразделений.

Второй.

Перечень постов возле восточной стены.

Третий.

Выписка из приказа об эвакуации.

Я остановилась.

— Вот здесь.

Рейнар подошел ближе.

Я указала на строку:

«Охранные подразделения гражданских делегаций поступают в распоряжение коменданта крепости до отмены тревоги».

— Это не то, что нам читали на совещании.

— Чем отличается?

— Здесь речь идет не о подтверждении безопасности западного выхода, а об окончании тревоги. Это разные вещи.

— Объясните.

— Если западный выход признан безопасным, охрана должна вернуться к делегации. Но если подразделения остаются у коменданта до отмены тревоги, он может держать их на укреплениях все время боя.

Рейнар перечитал строку.

— Получается, при продолжительной тревоге делегации оставались без сопровождения.

— Именно.

Я достала собственный блокнот.

— А нам говорили, что охрана вернется после открытия прохода.

— Вы уверены, что эта формулировка отсутствовала в окончательном распоряжении?

— Я не видела оригинала, который передали коменданту. Только заверенную копию для переводчиков.

— Значит, могли существовать два варианта.

— Могли. Но тогда кто-то должен объяснить, почему

представителям сторон показали один, а гарнизону передали другой.

Рейнар задумался.

Я наблюдала, как он просматривает документы.

Он не пытался сразу обвинить Верна, хотя я была почти уверена, что подозревал его.

— Мне нужны полные страницы, — сказала я.

— Какие именно?

— Не только выписки. Страница с заголовком распоряжения, все приложения и подписи тех, кто его утверждал.

— Некоторые документы относятся к действующим военным распоряжениям.

— Мне не нужны сведения о нынешнем размещении войск. Я хочу видеть документ, по которому людей оставили без охраны перед нападением.

— Я понимаю.

— Тогда принесите.

Рейнар закрыл папку.

— Я запрошу необходимые материалы.

— Через кого?

— Через военную канцелярию.

— Ту самую, которой вы не доверяете?

Он посмотрел на меня.

— Не вся канцелярия работает на Верна.

— А вы уверены, кто именно работает?

— Нет.

— Поэтому здесь окажутся только те бумаги, которые кто-то согласится вам показать?

— Это одна из проблем.

Я откинулась на спинку кресла.

— Тогда у нас больше проблем, чем я думала.

— Да.

Он произнес это без раздражения.

Я немного помолчала.

— Генерал, мне нужно отдельное место для работы.

Рейнар удивился.

— Разве вам неудобно здесь?

— Здесь постоянно ходят слуги. Сегодня утром девушка дважды приходила за посудой. Я каждый раз прятала бумаги, потому что не знаю, кто может их увидеть.

— Можем запретить слугам входить без разрешения.

— В этой комнате нет шкафа с замком. И стол слишком маленький. Мне приходится перекладывать листы, чтобы не перепутать порядок.

Он оглядел гостиную.

— Что вы предлагаете?

— Кабинет. Небольшой. С письменным столом и местом для бумаг. Желательно с дверью, которую можно закрыть изнутри.

Последние слова я произнесла намеренно.

Рейнар понял.

— В восточном крыле есть старый рабочий кабинет. Им

почти не пользуются.

— Подойдет.

— Там бывают управляющие.

— Значит, предупредите их.

— Вы не сможете находиться там, когда в доме посторонние.

— Об этом меня тоже можно предупредить.

Он посмотрел на разложенные документы.

— Хорошо. Я распоряжусь подготовить комнату.

Я не ожидала, что он согласится так быстро.

— И я смогу оставить там свои записи?

— Если шкаф запирается.

— А ключ?

— Будет у вас.

Я внимательно посмотрела на него.

— Только у меня?

— Один у вас. Второй хранится у управляющего для хозяйственных нужд. Но я запрещаю открывать шкаф без вашего присутствия, кроме чрезвычайных обстоятельств.

— Хотелось бы обойтись без чрезвычайных обстоятельств.

— Мне тоже.

Я достала свой лист с условиями, который носила между страницами блокнота.

Возле второго пункта сделала отметку.

Рейнар проследил за движением моей руки.

— Вы ведете учет выполненных обещаний?

— Разумеется.

— И сколько я уже выполнил?

— Одно полностью. Второе частично.

— Какое полностью?

— Вы вернули мои записи.

— А частично?

— Начали рассказывать о расследовании. Но до полной открытости нам еще далеко.

Он коротко усмехнулся.

— Полагаю, отметку за сегодняшний кабинет я не получу?

— Когда кабинет будет готов, тогда посмотрим.

Старый кабинет находился в конце восточного коридора.

Рейнар сам отвел меня туда перед обедом. Грета шла рядом и недовольно поглядывала на часы, будто подозревала нас в намерении работать до полуночи.

Комната оказалась небольшой, с двумя высокими окнами и массивным письменным столом.

У стены стояли книжные полки, на которых хранились старые хозяйственные журналы. Возле камина находилось кресло с потертой кожаной обивкой.

На столе лежал толстый слой пыли.

— Здесь давно никто не работал? — спросила я.

— Последние месяцы почти никто.

Я провела пальцем по поверхности.

— Заметно.

Рейнар взглянул на пыль и подозвал управляющего, который ждал в коридоре.

— Комнату нужно привести в порядок. Сегодня. Поставьте лампу, принесите бумагу и подготовьте шкаф.

Управляющий кивнул.

— Будет сделано, господин генерал.

— И предупредите слуг: без разрешения госпожи Лиды сюда не входить.

Я заметила, как легко он произнес чужое имя.

Управляющий ушел.

Рейнар повернулся ко мне.

— Вас устроит?

Я подошла к окну.

Отсюда открывался вид на боковую часть сада. За деревьями виднелась невысокая каменная ограда. По другую сторону проходила узкая дорога, уходившая к полям.

Я задержала на ней взгляд.

— Да. Здесь гораздо удобнее.

— Вы сможете работать несколько часов в день. Когда в доме будут посторонние, Марек или Грета предупредят.

— А выходить в сад?

— В сопровождении Греты.

Я повернулась.

— Вы действительно намерены повторять это каждый раз?

— Пока обстоятельства не изменятся.

Я посмотрела на дверь.

— И когда я закончу работать, меня снова запрут в спальне?

Рейнар помолчал.

— На ночь — да.

— Почему?

— Потому что ночью в доме меньше людей. Если кто-нибудь попытается проникнуть сюда, охрана должна знать, где вы находитесь.

— Тогда почему бы не поставить охрану у моей двери?

— Она и так есть.

Я уже не могла скрыть раздражения.

— Получается, одной охраны вам недостаточно?

— Недостаточно.

— А если пожар?

Он нахмурился.

— Что?

— Если ночью начнется пожар, я смогу открыть дверь?

— У караульного есть ключ.

— А если караульный не успеет?

Рейнар посмотрел на меня.

Потом перевел взгляд на дверь.

Я не знала, почему этот вопрос не приходил ему в голову раньше.

Возможно, он просто не привык представлять себя человеком, которого заперли внутри комнаты.

— Я велю оставить ключ в доступном месте, — сказал он.

— За дверью?

— Нет. В вашей комнате. На случай опасности.

Я подняла брови.

— Тогда я смогу открыть дверь сама?

Он помолчал.

— В чрезвычайных обстоятельствах.

— Каким образом вы собираетесь определять, чрезвычайные они или нет?

Грета, до сих пор молчавшая у входа, громко вздохнула.

— Господин генерал, разрешите мне вмешаться?

Рейнар посмотрел на нее.

— Говорите.

— Я не буду ухаживать за человеком в комнате, из которой он не может выйти при пожаре. Если вы считаете необходимым держать дверь закрытой, придумайте другой способ. Но ключ должен быть внутри.

— Грета...

— Я закончила.

Она скрестила руки.

Рейнар некоторое время молчал.

Потом произнес:

— Хорошо. Сегодня вечером замок переделают. Изнутри дверь можно будет открыть без ключа. Снаружи по-прежнему потребуется ключ.

Я посмотрела на него.

— А если я выйду ночью?

— В коридоре находится караульный. Он остановит вас.

— Значит, вы замените запертую дверь человеком?

— По существу — да.

Он не пытался представить это освобождением.

Такая прямота злила меньше очередного объяснения, что все делается ради моего блага.

— Хорошо, — сказала я. — По крайней мере, это безопаснее.

Грета довольно кивнула.

— Вот теперь можно идти обедать.

Мы оба посмотрели на нее.

— Что? — спросила лекарка. — Я не собираюсь ждать, пока вы еще час будете спорить о дверях.

Шестой день принес первую неприятную новость.

Утром Марек сообщил, что на северной дороге задержали обоз с тремя ранеными из Саара. Людей проверяли несколько часов, затем отправили в губернскую канцелярию.

Я узнала об этом случайно.

Капитан стоял возле библиотеки и разговаривал с Рейнаром. Они не заметили, как я вышла из кабинета.

— Основание? — спросил генерал.

— Несоответствие обозных записей. По словам возчика, людей забрали без объяснений.

— Кто проводил проверку?

— Канцелярская охрана. Не местный гарнизон.

Рейнар нахмурился.

— Фамилии?

— Уточняем.

Я остановилась.

Марек заметил меня первым.

— Госпожа Восс.

Генерал повернулся.

— Вы должны были работать в кабинете.

— Мне захотелось воды. Я услышала разговор.

— Это служебные сведения.

— О людях, которых вывезли из Саара?

Он ничего не ответил.

Я подошла ближе.

— Они были из делегации?

Марек посмотрел на генерала.

— Мы пока не знаем.

— Значит, могли быть.

— Могли, — ответил капитан.

— Их отправили в канцелярию Верна?

— В губернскую. Мы еще выясняем, кому она подчиняется по этому делу.

Я стиснула пальцы.

Троих раненых забрали с дороги.

Возможно, это были обычные служащие крепости.

Возможно, люди, которые видели то же, что и я.

Я вспомнила нижний двор и солдат у ворот.

— Что с ними будет?

Марек ответил осторожно:

— Пока неизвестно.

Рейнар посмотрел на меня.

— Аделия, возвращайтесь в кабинет. Я поговорю с вами, когда получу подтверждение.

Я не двинулась.

— Вы хотите, чтобы я сейчас просто ушла?

— Я хочу, чтобы вы не стояли посреди коридора, где нас может услышать любой слуга.

Я оглянулась.

В дальнем конце действительно появилась женщина с корзиной белья.

Мне пришлось признать, что место для разговора мы выбрали неудачное.

— Тогда приходите сами, — сказала я.

— Приду.

Я вернулась в кабинет.

Села за стол.

Разложенные листы лежали передо мной, но читать их не получалось.

Я все думала о трех раненых.

Рейнар мог оказаться прав насчет опасности.

Возможно, я действительно не добралась бы до Лиорна, выйдя на дорогу без документов.

Но от этого его право решать за меня не становилось бесспорным.

Мне нужна была защита, которая не зависела бы от одного человека.

Даже если этот человек был генералом-драконом.

Особенно если он был генералом-драконом.

К полудню Рейнар пришел с новыми бумагами.

Я уже успела подготовить вопросы.

— Что известно о задержанных?

Он сел напротив.

— Один из них был помощником крепостного кузнеца. Двое — возчики. Все трое зарегистрированы среди вывезенных раненых.

— Их отпустили?

— Пока нет.

— Значит, ищут не только людей из делегаций.

— Вероятно, проверяют всех, кто мог что-либо видеть.

Я посмотрела на него.

— Теперь вы понимаете, почему я не хочу попадать к имперским властям?

— Понимаю.

— А раньше?

— Раньше я тоже не предлагал вам обращаться к имперским властям.

— Но вы все еще не объяснили, к кому я могу обратиться вместо них.

Он положил на стол лист.

— Ивена Саль сообщила, что в Лиорне готовится собрание представителей речных городов и пограничных домов.

Я выпрямилась.

— Когда?

— На сороковой день после нападения.

— Через пять недель?

— Да.

— Почему так поздно?

— Сторонам нужно созвать представителей и доставить документы. Не все находятся близко.

— А что будут обсуждать?

— Дальнейшие условия перемирия и снабжение пограничных войск.

Я нахмурилась.

— Снабжение? После того, что случилось в Сааре?

— Именно после этого. Императорские войска готовятся

к новому наступлению.

— Когда?

Рейнар помолчал.

— На сорок пятый день.

Я посмотрела на него.

— Значит, у них уже есть дата?

— Предварительная.

— И переговоры сорвали для того, чтобы начать наступление?

— Это одна из версий.

— Очень удобное совпадение.

Он не стал спорить.

Я взяла лист.

В нем значилось, что Рейнар Дорн назначен военным представителем на подготовительных совещаниях по обеспечению войск.

— Вы тоже поедете в Лиорн?

— Если назначение не изменится.

— И когда?

— До основного собрания. Точная дата пока не определена.

Я снова посмотрела на документ.

У меня появился новый вопрос.

— А кто будет представлять людей из Саара?

— Пока не знаю.

— Ивена могла бы.

— Она уже занимается этим.

— Но ей нужны показания.

— Да.

Я отложила лист.

— Тогда нам придется с ней связаться.

Рейнар кивнул.

— Именно поэтому я запросил сведения о вашей сестре через нее.

— А почему нельзя сразу попросить у Лиорна защиту для меня?

Он немного помолчал.

— Можно. Но город должен понимать, кого именно ему предстоит защищать и от каких обвинений.

— Я готова объяснить.

— Это займет время.

— У нас есть время до сорокового дня.

— До сорокового дня есть. Но люди Верна могут начать искать вас гораздо раньше.

Я подумала о задержанных раненых.

— Тогда действовать нужно сейчас.

Он посмотрел на меня.

— Что вы предлагаете?

Я развернула чистый лист.

— Попросить Ивену организовать встречу с представителем города. Не с имперским чиновником, а с человеком, который сможет официально подтвердить, что я нахожусь под

защитой нейтральной стороны.

— Вы понимаете, что это может потребовать раскрыть ваше имя?

— Ивене — да. Всем остальным пока необязательно.

— А если она не сможет гарантировать безопасность?

— Тогда будем искать другие варианты.

Рейнар помолчал.

— Разумно.

Я посмотрела на него с подозрением.

— Вы просто соглашаетесь?

— В данном случае да.

— Почему?

— Потому что независимая защита действительно может решить часть проблемы. Но до ее оформления вы должны оставаться в безопасности.

Я вздохнула.

— То есть все опять заканчивается моей комнатой.

— На данный момент.

Я уже открыла рот, чтобы возразить, но остановилась.

Он произнес это без привычной уверенности.

И впервые я заметила, что неизвестность беспокоит его не меньше, чем меня.

Только он привык скрывать это лучше.

— Хорошо, — сказала я. — Тогда начинаем готовить обращение.

— Как только получим ответ Ивены.

Я подняла перо.

— А пока можно составить текст.

Он не возражал.

Мы проработали почти час.

Я предложила изложить просьбу от моего имени и перечислить факты, которые могла подтвердить лично. Рейнар настаивал на том, чтобы не указывать место моего нынешнего пребывания в первом сообщении.

В конце концов мы договорились: Ивене направят запечатанный пакет с подтверждением моей личности и отдельным запросом о временной защите. Передачу поручат человеку, которому доверяют обе стороны.

— Вы всегда так подробно составляете письма? — спросил Рейнар, когда я в третий раз переписала одну фразу.

— Только когда от них зависит моя жизнь.

Он опустил глаза к листу.

— Тогда продолжайте.

Ответ из Лиорна пришел утром седьмого дня.

Я узнала об этом от Олвы.

Девушка вошла с завтраком и сообщила, что во двор прибыл курьер, ведя в поводу запасную лошадь; обе лошади были в мыле.

Я сразу отложила ложку.

— Откуда?

— Из Лиорна, кажется. Он говорил с капитаном Талем у конюшни.

Я встала.

— Мне нужно к генералу.

Ольва удивленно посмотрела на меня.

— Госпожа Лида, я могу передать...

— Нет. Я сама.

Я дошла до двери, но на пороге остановилась.

В коридоре стоял караульный.

Он выпрямился.

— Госпожа, вам что-нибудь нужно?

— Да. Капитан Таль уже встретил курьера?

— Да, он внизу.

— Я хочу с ним поговорить.

— Мне велено сопровождать вас только до кабинета и обратно.

Я посмотрела на него.

— Тогда проводите меня к генералу.

— Не могу без распоряжения.

Я почувствовала, как нарастает раздражение.

Еще вчера Рейнар обещал сообщить мне, как только появятся сведения о Марте.

А теперь я узнавала о курьере от служанки.

— Передайте генералу Дорну, что я жду его в своем рабочем кабинете.

Караульный замялся.

— Госпожа...

— Пожалуйста. Это важно.

Он наконец кивнул.

— Передам.

Я вернулась в комнату.

Ольга все еще стояла у стола с подносом.

— Простите, госпожа Лида. Я не думала, что курьер...

— Вы ни в чем не виноваты.

Она посмотрела на меня немного растерянно.

— Может, вам хотя бы чай налить?

Я села.

— Да. Спасибо.

Пока девушка разливала чай, я пыталась успокоиться.

Курьер выехал на третий день после нападения. Два дня добирался до Лиорна. Еще какое-то время ушло на поиск Ивены и сбор сведений.

Теперь он вернулся.

Значит, у него должен был быть ответ.

Через десять минут появился Марек.

Он вошел без оружия, но в дорожном плаще. На сапогах еще виднелась грязь.

— Госпожа Восс.

Я поднялась.

— Марта?

Он сразу понял.

— Жива. Находится в Лиорне.

Я опустила обратно на стул.

На несколько секунд мне стало совершенно безразлично,
кто еще находился в комнате.

Марта жива.

Ее не арестовали.

Не увезли в канцелярию.

Не заставили отвечать за мою работу.

— Вы уверены? — спросила я.

Марек положил на стол сложенный лист.

— Вот ответ госпожи Саль. Написан ее рукой.

Я взяла бумагу.

На сгибе стояла печать Лиорнского совета. Я узнала ее по деловым письмам.

Письмо начиналось официально.

Ивена подтверждала, что Марта Восс проживает в городе,
продолжает числиться сотрудницей переплетной мастерской
госпожи Барт и не находится под следствием.

Дальше шли подробности.

Я прочитала их медленнее.

Ивена лично встретила с Мартой после того, как та по-
лучила известие о смерти сестры.

Я остановилась.

Потом перечитала строку.

— Она получила извещение?

Марек не стал делать вид, что не понял.

— Да.

— Когда?

— Четыре дня назад.

Я закрыла глаза.

Четыре дня.

Пока я сидела в чужом доме и спорила о ключах, Марта уже узнала, что меня больше нет.

Я снова посмотрела на письмо.

Ивена писала, что после извещения Марта на день закрылась дома, а затем вернулась в мастерскую. Госпожа Барт старалась не оставлять ее одну и взяла на себя разговоры с заказчиками.

На следующей странице находилась короткая приписка.

«Госпожа Восс упомянула, что ее сестра обещала забрать у нее книгу в малиновом переплете и непременно снова пожелует на кривой корешок. Марта просила передать тем, кто собирает сведения о погибших, что книга останется у нее, пока она не решит, что с ней делать».

Я прижала лист к столу.

Книга действительно существовала.

Еще весной Марта переплела для меня старый сборник дорожных очерков. Корешок получился немного неровным. Я посмеялась, что на такой работе ее мастер разорится, если начнет брать деньги за качество.

Марта обиделась и забрала книгу обратно.

Потом несколько месяцев обещала переделать переплет.

В последнем письме она написала, что наконец закончила работу и при следующем приезде я не смогу найти ни одного недостатка.

Никто, кроме нас, не знал об этом споре.

Ивена действительно говорила с моей сестрой.

Я снова прочитала приписку.

Марта собиралась сохранить для меня книгу.

Хотя думала, что я уже никогда не смогу ее забрать.

— Госпожа Восс?

Я подняла голову.

Марек стоял возле стола.

— Вы можете подтвердить, что это почерк госпожи Саль?

— Да.

— И сведения достаточно подробные?

Я кивнула.

— Да. Спасибо.

Он отступил на шаг.

— Я могу передать генералу, что вы ознакомились с отчетом.

— Он уже видел?

— Да.

Я подняла глаза.

— И почему не принес сам?

— Сейчас он разговаривает с офицерами. Курьер доставил не только это письмо.

Я посмотрела на мокрый край его плаща.

— Вы сами встречали курьера?

— Да.

— Он передал что-нибудь еще от Ивены?

Марек немного помолчал.

— Пакет для генерала. О его содержании мне ничего не известно.

Я кивнула.

— Мне нужно отправить ответ.

— Госпоже Саль?

— И сестре.

— Понимаю.

Он не пообещал, что письмо обязательно уйдет.

Но хотя бы не стал сразу говорить, что это невозможно.

Когда Марек вышел, я осталась одна.

Письмо лежало передо мной.

Я снова прочитала строку о книге.

Потом закрыла лицо ладонями.

Не знаю, сколько так просидела.

Я не плакала, пока говорила с капитаном.

Не плакала, когда читала официальные сведения о Марте.

Но теперь, когда я наконец узнала, что она жива, стало гораздо тяжелее.

Я представила ее за работой.

Как она берет иглу, продевает нить, наклоняется над книжным блоком и вдруг вспоминает, что больше некому показывать готовый переплет.

Мне захотелось оказаться рядом.

Сказать, что она может ругать меня сколько угодно.

Что я сама заберу эту несчастную книгу.

И что больше никогда не стану обещать вернуться к определенному дню, если не уверена, что смогу.

Я вытерла лицо рукавом.

Затем взяла чистый лист.

Письмо нужно было написать сейчас.

Пока у меня хватало сил подобрать слова.

Рейнар пришел через час.

К тому времени я успела написать два письма.

Первое предназначалось Ивене.

В нем я подтверждала, что жива, благодарила за сведения о Марте и просила помочь с оформлением защиты на территории Лиорна.

Второе было для сестры.

Я долго выбирала, что написать.

В конце концов решила не пытаться уместить в письмо все, что хотела сказать.

«Марта.

Это действительно я. Помнишь, как ты потерялась на ярмарке, а потом целый час уверяла, что стояла возле фонтана и ждала, пока я догадаюсь туда прийти? Я до сих пор считаю,

что виновата была ты.

Я жива. Меня спасли после разрушения крепости. Я получила ранения, но уже поправляюсь.

Сейчас я нахожусь в безопасном месте. Я не могу назвать его в письме, потому что люди, устроившие нападение, ищут свидетелей.

Пожалуйста, не пытайся искать меня сама и не рассказывай никому, что получила это письмо. Я постараюсь приехать к тебе, как только смогу.

Мне очень жаль, что тебе пришлось пережить эти дни.

Книгу с кривым корешком не отдавай никому. Я заберу ее сама.

Твоя Аделия».

Я перечитала написанное.

Слишком коротко.

Слишком мало для человека, который уже успел меня оплакать.

Но длинное письмо не сделало бы случившееся менее страшным.

Рейнар остановился возле стола.

— Марек сказал, что вы получили ответ.

Я подняла голову.

— Да.

— С вашей сестрой все в порядке?

— Она жива.

Он кивнул.

— Хорошо.

Я протянула ему письмо Ивене.

— Хочу отправить сегодня.

Он взял лист.

Прочитал.

— Вы просите предоставить независимую охрану и временное убежище?

— Да.

— И сообщаете, что готовы выступить свидетелем.

— Если меня смогут защитить.

Он еще раз просмотрел письмо.

— Это серьезное решение.

— Я понимаю.

— Ваши показания могут заинтересовать не только комиссию. Верн тоже узнает о них.

— Верн и так ищет людей из Саара.

— Возможно. Но вы пока остаетесь неизвестным свидетелем.

Я посмотрела на него.

— Генерал, я уже рассказала вам, что видела во дворе. Я переводила распоряжения, по которым разделили делегации и охрану. У меня сохранились записи. Если я буду молчать, люди Верна смогут обвинить кого угодно.

Он не ответил.

— Я хочу вернуться к сестре. И хочу, чтобы имена погибших перестали использовать для новой войны. Это не про-

тиворечит друг другу.

Рейнар положил письмо на стол.

— Нет. Не противоречит.

Я придвинула второй лист.

— Это для Марты.

Он не взял его сразу.

— Аделия...

— Вы обещали, что после подтверждения безопасной связи письмо можно будет передать через Ивену.

— Я помню.

— Ивена лично разговаривала с Мартой. Она может передать его.

— Если письмо попадет не в те руки, ваше имя...

— Там нет адреса. Нет Ровена, нет вашего имени. Я не пишу, кто именно меня спас.

Он молчал.

— Прочитайте, если хотите. Я не собираюсь скрывать содержание.

Рейнар посмотрел на письмо.

— Оно адресовано вашей сестре.

— Вы уже читали первое.

— Тогда ситуация была другой.

Я удивилась.

Он взял письмо, но не развернул.

— Я передам его Ивене запечатанным. Пусть она сама определит безопасный способ доставки.

Я несколько секунд смотрела на него.

— Вы не будете читать?

— Нет.

— Почему?

— Потому что это ваше личное письмо.

Мне хотелось сказать, что о неприкосновенности моих писем он вспомнил слишком поздно.

Но я промолчала.

Он взял со стола два конверта и протянул мне.

Я вложила письма внутрь.

Потом попросила сургуч.

Рейнар принес со стола у стены сургуч и маленькую коробку с печатями.

Я выбрала простую печать без герба.

— У меня нет собственной, — объяснила я.

— Знаю.

Он подержал свечу, пока я запечатывала конверты.

От нагретого сургуча шел слабый запах смолы.

Когда я закончила, Рейнар взял оба письма.

— Курьер отправится до вечера.

— Я смогу увидеть запись об отправке?

Он кивнул.

— Марек принесет вам копию обозной отметки.

Я внимательно посмотрела на него.

— Вы действительно это сделаете?

— Да.

Я не стала благодарить заранее.

Но впервые за несколько дней почувствовала, что мои слова могут привести к конкретному результату.

Не только к новому спору.

Восьмой день начался спокойно.

Я проснулась от солнца, которое светило прямо в окно. В саду работали люди, возле конюшни кто-то громко ругался из-за сломанной оси.

Я долго лежала, прислушиваясь.

Боль под ребрами стала слабее.

Я сама умылась, оделась и даже собрала волосы, хотя правую руку приходилось поднимать осторожно.

Грета пришла с лекарствами и выглядела довольной.

— Цвет лица лучше.

— Я тоже так думаю.

— Только не начинайте считать себя здоровой.

— Не начну.

Она осмотрела ожог.

— Живает хорошо. Повязку скоро можно будет снять.

— А швы?

— Еще несколько дней.

Я посмотрела на свое отражение.

Рана у виска уже не выглядела такой страшной. Волосы

прикрывали большую часть поврежденной кожи.

— В таком виде меня сложно узнать, — сказала я.

Грета подняла глаза.

— В каком?

— С короткими прядями у виска и синяком. На переговорах я обычно выглядела приличнее.

— Вы и сейчас выглядите прилично.

— Вы добрая женщина.

— Нет. Просто слишком давно работаю с ранеными, чтобы считать синяк катастрофой.

Она убрала лекарства.

— Сегодня после завтрака можете пойти в кабинет. Генерал просил передать, что у него для вас новые документы.

Я повернулась.

— Какие?

— Не знаю. Он сказал, что принесет сам.

Я нахмурилась.

— Надеюсь, полные.

Грета усмехнулась.

— Судя по тому, как вы вчера спорили, надеется и он.

В кабинете уже лежала копия отметки об отправке писем.

Я узнала подпись Марека Таля.

Два запечатанных пакета были переданы курьеру накануне.

не вечером. Получателем значилась Ивена Саль, Лиорн.

Ни моего настоящего имени, ни адреса Ровена в открытой части записи не было.

Я проверила время отправления.

Затем аккуратно положила лист к своим документам.

Если дорога пройдет без задержек, Ивена получит письма через два дня.

Марта узнает правду еще немного позже.

Я попыталась представить ее лицо, когда она увидит мой почерк.

Получилось плохо.

Слишком многое могло произойти между отправкой и получением.

Я заставила себя вернуться к работе.

К полудню удалось составить первую связную последовательность событий в Сааре. Я отделила то, что видела сама, от услышанного от других людей и от предположений, возникших уже после нападения.

На столе лежали три стопки.

В первой — мои собственные записи.

Во второй — копии документов, принесенные Рейнаром.

В третьей — перечень вопросов, на которые пока не было ответов.

Список вопросов оказался длиннее, чем мне хотелось.

Я перечитала его.

Кто приказал закрыть западные ворота?

Почему гарнизону передали распоряжение, отличавшееся от текста для делегаций?

Кто был офицером с серебряной застёжкой?

Почему у его людей не было знаков Саарского гарнизона?

Кто нанес удар по северному переходу?

И почему генерал Дорн, который сам нашел меня под обломками, до сих пор не рассказал, что ему известно об этом ударе?

В дверь постучали.

— Войдите.

Рейнар появился с очередной папкой.

Он выглядел усталым. Темные волосы были слегка растрепаны, левое плечо двигалось заметно хуже правого.

— Вы плохо спали? — спросила я прежде, чем успела подумать.

Он остановился.

— Что?

— Вы выглядите так, будто всю ночь работали.

— Почти так и было.

— Что-то случилось?

— Пока ничего нового. Много донесений.

Он положил папку на стол.

— Получил еще несколько страниц из штабного архива.

Я потянулась к документам.

— Теперь полный текст?

— Не совсем.

Я подняла глаза.

— Генерал.

— Часть приказов относится к действующим операциям. Мне нужно отделить сведения, которые можно использовать, не раскрывая расположение подразделений.

— Вы обещали показать мне документы, связанные с эвакуацией.

— И показываю.

— Не все.

Он помолчал.

— Не все.

Я отложила перо.

— Тогда давайте договоримся еще раз. Я не прошу сведения о ваших войсках. Мне нужны распоряжения, по которым в Сааре погибли люди.

— Я понимаю.

— Похоже, нет.

Рейнар сел напротив.

— Аделия, если я принесу вам весь оперативный журнал, вы получите доступ к сведениям, которые не относятся к нападению.

— Тогда сделайте копии нужных страниц.

— Часть уже подготовлена.

— А остальные?

— Пока нет.

Я посмотрела на папку.

Он не пытался отобрать ее или спрятать.

Просто не позволял увидеть все.

— Вы сами решаете, что относится к нападению, — сказала я.

— Сейчас — да.

— И я должна вам верить?

Он выдержал мой взгляд.

— Не обязаны.

Я почувствовала, как привычная злость сменяется усталостью.

С ним было невозможно спорить обычным способом.

Он не обещал невозможного, не придумывал красивых объяснений, не уверял, что все скоро наладится.

Просто оставлял за собой последнее слово.

— Тогда я буду работать с тем, что есть, — сказала я.

— Хорошо.

Я раскрыла папку.

На первой странице находился список приказов по гарнизону. Затем шли сведения о размещении охраны и подготовке к тревоге.

Я начала сравнивать их со своими записями.

Рейнар не вмешивался.

Через некоторое время я обнаружила дату, которая не совпадала с указанной в моем блокноте.

— Здесь распоряжение зарегистрировано утром, — сказала я. — А нам его представили накануне вечером как уже

согласованное.

Он наклонился.

— Покажите.

Я указала строку.

Рейнар внимательно прочитал.

— Возможно, речь о повторной регистрации.

— Тогда должна быть первоначальная отметка.

— Да.

— Ее здесь нет.

Он записал номер документа в свой блокнот.

— Запрошу журнал регистрации.

Я перевернула страницу.

На следующем листе находилась ведомость доставки приказов. В узкой графе рядом с одним из номеров стояло имя курьера.

Я наклонилась ближе.

— Ян Рут.

Рейнар поднял голову.

— Что?

— Здесь имя курьера. Ян Рут. Он доставлял пакет в Саар.

Генерал посмотрел на запись.

— Да.

— А рядом отметка станции. Липовый Брод.

— Верно.

— Вы знаете, где это?

— Нейтральная почтовая станция на западной дороге.

Я запомнила название.

— Там должны сохраняться журналы отправки?

— Обычно да.

— И кто имеет право их проверять?

— Представители речных городов при наличии основания.

Я взяла карандаш.

— Значит, Ивена сможет запросить эти записи.

Рейнар немного подумал.

— Возможно.

— Если приказ действительно зарегистрировали раньше, чем указано здесь, на станции могли сохранить первоначальную дату.

— Да. Но для этого нужно знать, через какую именно станцию прошел пакет.

Я указала пальцем на отметку.

— Здесь написано.

— Это отметка Липового Брода. Она подтверждает прохождение пакета через станцию, но не доказывает, что документ отправили именно оттуда.

— Зато мы можем установить маршрут.

Рейнар посмотрел на меня.

В его глазах впервые появилось что-то похожее на одобрение, которое он не успел скрыть.

— Можем.

Я записала имя и станцию на отдельный лист.

— Вот еще один вопрос для Ивены.

— Я передам его.

— Нет. Я сама составлю запрос.

Он чуть наклонил голову.

— Хорошо.

Мы продолжили работу.

Постепенно я начала замечать, насколько по-разному мы читаем одни и те же бумаги.

Я обращала внимание на формулировки, даты, подписи и порядок согласования.

Рейнар сразу искал, кто мог выполнить распоряжение, сколько людей понадобилось бы для этого и кто имел возможность переместить подразделения без лишних вопросов.

Иногда наши выводы совпадали.

Иногда нет.

В одном из распоряжений я увидела отметку о временном закрытии северного перехода.

— Вот, — сказала я. — Почему его закрыли?

Рейнар посмотрел на лист.

— Там велись ремонтные работы.

— Но в день нападения переход был открыт.

— Возможно, ремонт завершили.

— А кто подтвердил завершение?

Он задумался.

— Нужно проверить.

Я записала вопрос.

Впервые за все время работы мне не приходилось доказывать, что мои замечания имеют значение.

Рейнар слушал.

Не всегда соглашался, но отвечал по существу.

От этого работать с ним становилось легче.

И одновременно опаснее для моего собственного спокойствия.

Потому что я начинала видеть в нем не только человека, который запирает мою дверь.

После обеда Грета велела мне отдохнуть.

Я спорить не стала.

Мы работали почти три часа, и даже при том, что я большую часть времени сидела, спина и ребра сильно устали.

Я вернулась в комнату, легла поверх одеяла и ненадолго закрыла глаза.

Проснулась ближе к вечеру.

За окном шумели деревья. Дождя не было, воздух казался прозрачным после нескольких пасмурных дней.

На столе стоял небольшой поднос с фруктами.

Рядом лежала записка от Греты:

«Поешьте. И никаких документов до ужина».

Я улыбнулась.

Взяла яблоко и подошла к окну.

Во дворе уже зажгли фонари. Работники конюшни собирали инструменты, возле ворот разговаривали двое караульных.

Я вспомнила, как еще вчера пыталась узнать расписание хозяйственных повозок.

Теперь это казалось немного нелепым.

Не потому, что я передумала уезжать.

Просто впервые появился другой путь.

Если Ивена поможет оформить защиту, мне не придется пробираться через заставы, прятаться в чужих обозах и надеяться, что никто не узнает меня по описанию.

Я смогу ехать под собственной ответственностью.

Открыто.

С документами.

Впервые после Саара эта возможность показалась реальной.

Но письма еще находились в дороге.

И я не знала, согласится ли Лиорн принять женщину, которую императорские власти официально считали погибшей.

Вечером я снова вышла в нижнюю галерею.

Грета разрешила короткую прогулку перед ужином, но сама задержалась у кузнеца. Он порезал руку и, по ее словам,

слишком долго пытался убедить всех, что рана пустяковая.

Я пошла вдоль стены, придерживаясь за деревянные перила.

На улице пахло мокрой землей и дымом.

У конюшни стояли две лошади. Одна пыталась дотянуться до сена в соседнем стойле, другая терпеливо ждала, пока конюх закончит чистить ей копыто.

Я остановилась посмотреть.

— Вы опять изучаете хозяйственные дороги?

Голос Рейнара раздался за спиной.

Я обернулась.

Он стоял возле боковой двери, держа в руках мою дорожную сумку.

Я сразу нахмурилась.

— Почему она у вас?

— Нашел в кабинете. У нее сломана застежка.

Я подошла ближе.

— Я знаю.

— Если хотите, могу починить.

Я посмотрела на сумку.

Одна из медных застежек действительно почти оторвалась. После Саара кожа возле крепления потрескалась, и каждый раз, когда я поднимала сумку, крышка съезжала набок.

— Вы умеете чинить такие вещи?

— Иногда приходится.

— У вас для этого нет слуг?

— Есть. Но мне несложно сделать самому.

Я посмотрела на его руки.

— Вам нравится возиться с такими вещами?

Он немного подумал.

— Нравится, когда можно увидеть результат работы.

— А на службе нельзя?

— Не всегда.

Я взяла сумку, проверила повреждение.

— Попробуйте. Но если окончательно сломаете, придется покупать новую.

— Справедливо.

Он кивнул в сторону небольшого помещения возле галереи.

— У меня там инструменты.

Я пошла за ним.

Комната служила и мастерской, и кладовой. На полках лежали кожаные ремни, металлические застёжки, маленькие коробки с гвоздями и крепежом.

На столе стояла лампа.

Рейнар придвинул мне стул.

— Садитесь.

— Я не собиралась долго оставаться.

— Тогда можете наблюдать стоя.

Я посмотрела на стул.

Потом села.

Он снял поврежденную застёжку и разложил на столе несколько деталей.

— Откуда у вас все это? — спросила я.

— Еще отец хранил здесь инструменты. После его смерти почти ничего не изменилось.

— Он тоже что-то чинил?

— Постоянно. Не доверял мастерам простую работу.

— А сложную?

— Для сложной нанимал людей, которые действительно умели ее выполнять.

Я улыбнулась.

— Разумный человек.

Рейнар взял маленькие щипцы.

— Бывал разумным.

— Вы были близки?

Он немного помолчал.

— В детстве. Потом я рано уехал учиться.

— В военную школу?

— Да.

— И сразу решили стать генералом?

— В двенадцать лет мне вполне хватало мечты получить собственную лошадь и не вставать до рассвета.

Я рассмеялась.

На этот раз боль под ребрами была терпимой.

— А сейчас?

Он поднял глаза.

— Сейчас что?

— Вы все еще мечтаете не вставать до рассвета?

— Иногда.

— Странно. Я думала, генералы получают удовольствие от ранних подъемов.

— Только когда поднимают других.

Я засмеялась снова.

Рейнар вернулся к застёжке.

Некоторое время мы молчали.

Я наблюдала, как он аккуратно подгибает тонкую металлическую пластину и заменяет поврежденный крепеж. Его пальцы двигались уверенно, несмотря на старые шрамы.

— А вы? — спросил он.

— Что я?

— Когда решили стать переводчицей?

Я задумалась.

— Наверное, лет в четырнадцать. Отец тогда работал в городской канцелярии. Иногда приносил домой старые торговые договоры. Я пыталась читать их на двух языках и находила места, где смысл менялся.

— И что делали?

— Сначала исправляла карандашом. Потом отец объяснил, что нельзя править чужие договоры без разрешения.

— Разумное замечание.

— Я очень обиделась. Мне казалось, что если я вижу ошибку, обязательно должна ее исправить.

— А теперь?

— Теперь понимаю, что сначала нужно доказать, что это ошибка.

Он поднял на меня взгляд.

— Поэтому вы так осторожно формулируете свои показания?

— Поэтому.

Я посмотрела на сумку.

— Но иногда очень хочется просто написать на полях, что все вокруг идиоты.

Рейнар неожиданно рассмеялся.

Негромко, но совершенно искренне.

Я повернула к нему голову.

До этого мне казалось, что его лицо умеет выражать только усталость, раздражение и внимательность.

Смеющийся Рейнар выглядел иначе.

Моложе.

И гораздо менее опасным.

Я тут же напомнила себе, что человек не становится без-опасным только потому, что умеет смеяться.

Особенно если у него есть ключи от чужих дверей.

Рейнар закончил с креплением и проверил застёжку.

— Готово.

Он протянул сумку.

Я открыла и закрыла ее несколько раз.

Крышка держалась крепко.

— Хорошо получилось.

— Рад, что вы довольны.

— Не ожидала, что генерал будет чинить мои вещи.

Он убрал инструменты.

— А чем, по-вашему, занимаются генералы по вечерам?

— Судя по моему опыту, читают донесения, ругаются с офицерами и принимают решения за других людей.

Он посмотрел на меня.

— Последнее вы особенно не одобряете.

— Вы заметили?

— Трудно было не заметить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.